

Zukunft

Informationsblatt des Zentralrats der Juden in Deutschland – Deutsch und Russisch

3 Jawne

Die Kölner Gedenk- und Lernstätte wird von Ehrenamtlichen getragen

6 Erschütterndes Zeugnis

Avrom Sutzkewers Deutschlandreise im Februar 1946

8 Moral

Das letzte Buch des Rabbiners und Philosophen Jonathan Sacks

Schirmherrschaft

Bundespräsident Dr. Frank-Walter Steinmeier hat die Schirmherrschaft für das vom Zentralrat der Juden in Deutschland durchgeführte Projekt "Meet a Jew" übernommen. Das Begegnungsprojekt lief in seiner gegenwärtigen Form Anfang 2020 an und wird während der Pandemie digital fortgesetzt.

"Wir freuen uns sehr, dass der Bundespräsident die Schirmherrschaft für unser Projekt übernommen hat", erklärte Zentralratspräsident Dr. Josef Schuster. "Gerade angesichts der verbreiteten antisemitischen Verschwörungsmythen in Zusammenhang mit Corona sind direkte Begegnungen von Juden und Nicht-Juden so wichtig."

Unter dem Motto "Miteinander statt übereinander reden!" vermittelt das "Meet a Jew" ehrenamtliche jüdische Jugendliche und Erwachsene an Schulen, Universitäten, Sportvereine und weitere Einrichtungen. In persönlichen Begegnungen geben die Teilnehmenden individuelle Einblicke in ihren aktuellen jüdischen Alltag und einen Überblick über die Vielfalt des jüdischen Lebens in Deutschland. "Meet a Jew" versteht sich als ein Baustein zur Prävention von Antisemitismus. Im vergangenen Jahr nahmen mehr als 350 Freiwillige bundesweit an mehr als 230 analogen und digitalen Begegnungen teil. Mit "Meet a Jew Sports" und "Meet a Jew Campus" wurden zudem weitere Zielgruppen erreicht.

Патронат

Президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер взял патронат над проектом Центрального совета евреев в Германии «Meet a Jew». В своей нынешней форме этот проект стартовал в начале 2020 года. Во время пандемии коронавируса он проводится в режиме онлайн. очень рады, что президент ФРГ взял патронат над нашим проектом, - заявил президент ЦСЕГ д-р Йозеф Шустер. – Сейчас, когда в связи с эпидемией коронавируса распространяются антисемитские теории заговора, непосредственные контакты между евреями и неевреями особенно важны».

В рамках проекта «Meet a Jew» в соответствии с девизом «Говорить друг с другом, а не друг о друге» евреи разных возрастов на общественных началах посещают школы, университеты, спортивные общества и другие учреждения. Во время личных встреч участники делятся своим опытом о сегодняшней жизни евреев и рассказывают о многообразии еврейской жизни в Германии.

Проект «Мееt а Jew» считает себя одним из элементов в ряду превентивных мер по борьбе с антисемитизмом. В прошлом году более 350 волонтёров со всей Германии приняли участие в более чем 230 личных и виртуальных встречах. Кроме того, благодаря проектам «Мееt а Jew Sports» и «Мееt а Jew Campus» удалось наладить контакты с новыми целевыми группами.

www.zentralrat-zukunft.de ISSN 1618-6087

Geschichte und Zugehörigkeit

Interview mit dem Präsidenten des Zentralrats der Juden in Deutschland, Dr. Josef Schuster, zum Festjahr "1700 Jahre jüdisches Leben in Deutschland"

Zukunft: Herr Dr. Schuster, das Jahr 2021 wird als Festjahr "1700 Jahre jüdisches Leben in Deutschland" gefeiert. Der Zentralrat ist aber nicht der Veranstalter des Jubiläumsjahres. Warum?

Dr. Josef Schuster: Der Zentralrat ist beim Jubiläumsjahr durchaus vertreten. Ich selbst bin Gründungsmitglied des Vereins "321 – 2021: 1700 Jahre jü-

"Juden prägten die Entwicklung Deutschlands von jeher mit."

disches Leben in Deutschland", der dieses Jubiläum federführend ausrichtet. Abraham Lehrer, bekanntlich nicht nur Vorstand der Synagogen-Gemeinde Köln und Präsident der Zentralwohlfahrtsstelle der Juden in Deutschland, sondern auch Vizepräsident des Zentralrats, ist Mitinitiator und Vorsitzender der Mitgliederversammlung des Vereins. Also sind wir absolut dabei. Die Initiative für das Jubiläumsjahr ging aber vom ehemaligen Ministerpräsidenten Nordrhein-Westfalens, Professor Jürgen Rüttgers, aus und wurde von zahlreichen Persönlichkeiten des

öffentlichen Lebens in Deutschland aufgegriffen. Damit wurde deutlich gemacht, dass die Präsenz von Juden auf deutschem Boden als integraler Teil der deutschen Geschichte und nicht als eine sozusagen innerjüdische Angelegenheit betrachtet wird. Das ist etwas, was mich sehr freut.

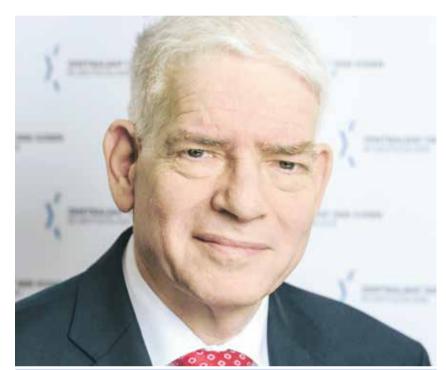
Was sollen die Veranstaltungen zum 1700. Jahr aus Ihrer Sicht bewirken? Die Fülle der Veranstaltungen ermöglicht es, die Vielfalt und den geistigen Reichtum des jüdischen Lebens gut darzustellen. Die Zahl von 1700 Jahren macht aber auch die lange Bindung der Juden an dieses Land deutlich. Genauer: Juden lebten auf deutschem Boden lange, bevor es so etwas wie ein Deutschland gab.

Eigentlich ist es banal zu sagen, dass Hebräisch auf dem Boden des späteren Deutschlands Jahrhunderte vor dem Deutschen erklang – und zwar, weil es vor 17 Jahrhunderten keine deutsche Sprache in dem uns bekannten Sinn gab. Eine Tatsache ist es dennoch. Juden prägten die Entwicklung Deutschlands von jeher mit, beginnend im Frühmittelalter bis heute.

Diese Tatsache ist sicherlich nicht allen in Deutschland präsent, vielleicht sogar nur den wenigsten. Wenn sie sich in diesem Festjahr den Menschen ins Bewusstsein einprägt, würden Juden vielleicht stärker als dazugehörend akzeptiert.

Wird dieses Jubiläum von der deutschen Öffentlichkeit denn wirklich wahrgenommen?

Durchaus. Das Medieninteresse ist immens. Allein schon die Übertragung der Eröffnungsveranstaltung des Fest-

Positive Zuschriften zum Festjahr: Zentralratspräsident Dr. Josef Schuster | Foto: Zentralrat der Juden in Deutschland

jahres am 21. Februar durch die ARD erreichte beeindruckende Einschaltquoten. Auch das Engagement prominenter Persönlichkeiten aus Politik und Gesellschaft trägt dazu bei.

Wie wichtig ist das Festjahr für die deutsche Gesellschaft?

Sehr wichtig. Nicht nur, weil sie etwas über einen bis heute wenig bekannten Aspekt der deutschen Geschichte lernen kann, sondern auch, weil ihr die Zugehörigkeit der Juden zu Deutschland in diesem Jahr viel deutlicher wird. Davon verspreche ich mir auch

positive Impulse für den Kampf gegen den Antisemitismus.

Interessanterweise bekommen wir im Zentralrat zahlreiche positive Zuschriften zum Festjahr. Nun ist es kein Geheimnis, dass unter allen Briefen und Mails, die wir bekommen, negative bis offen antisemitische Inhalte überwiegen. Bei den Zuschriften zum Festjahr sind positive Äußerungen dagegen die Mehrheit. Allein das weist auf die bejahende Haltung vieler Menschen zu diesem Ereignis hin.

Fortsetzung auf Seite 2

Юбилей

Интервью с президентом Центрального совета евреев в Германии д-ром Йозефом Шустером по случаю юбилейного года «1700 лет еврейской жизни в Германии»

«Zukunft»: Господин Шустер, в 2021 году отмечается 1700-летие еврейской жизни в Германии. При этом ЦСЕГ не является организатором этого юбилейного года. Почему?

Д-р Йозеф Шустер: ЦСЕГ принимает как раз весьма активное участие в юбилейном году. Я, например, являюсь одним из членов-учредителей общества «321 – 2021: 1700 лет еврейской жизни в Германии», отвечающего за проведение этого юбилея. Авраам Лерер, который, как известно, занимает не только пост члена правления Синагогальной общины Кёльна и президента Центральной благотворительной организации евреев в Германии, но и вице-президента ЦСЕГ, является одним из инициаторов и председателем собрания членов общества. Как видите, мы полностью вовлечены в процесс.

Однако инициатива проведения юбилейного года исходила от бывшего премьер-министра Северного Рейна-Вестфалии профессора Юргена Рюттгерса и была поддержана многочисленными общественными

деятелями в Германии. Это отчётливо продемонстрировало, что присутствие евреев на немецкой земле рассматривается как неотъемлемая часть немецкой истории, а не как нечто, касающееся только самих евреев. Это меня очень радует.

Какого эффекта Вы ожидаете от торжеств, посвящённых 1700-летнему юбилею?

Большое количество мероприятий позволит познакомить общественность с многообразием и духовным богатством еврейской жизни. В то же время цифра 1700 демонстрирует многовековую связь евреев с этой страной. Если быть точным, то евреи жили на немецкой земле задолго до возникновения Германии.

Наверное, банально говорить о том, что древнееврейский язык звучал на территории будущей Германии задолго до немецкого, так как 17 веков тому назад немецкого языка в нашем сегодняшнем понимании ещё не существовало. Тем не менее это факт. Евреи с давних времён, с эпохи ран-

него Средневековья до наших дней, играли заметную роль в развитии Германии.

Несомненно, этот факт известен не всем в Германии; может быть, об этом знают лишь немногие. Если нынешний юбилейный год поможет людям осознать это, то, возможно, евреи будут в большей степени восприниматься как часть Германии.

Интересуется ли немецкая общественность этим юбилеем?

Конечно. СМИ проявляют к нему огромный интерес. Одну только церемонию открытия юбилейного года, которая транслировалась на Первом канале немецкого телевидения 21 февраля, посмотрело впечатляющее количество зрителей. Росту интереса способствует и активное участие известных политиков и общественных деятелей.

Насколько юбилейный год важен для немецкого общества?

Очень важен. Причём не только потому, что оно может познакомиться

с этим доселе малоизвестным аспектом немецкой истории, но ещё и потому, что в этом году оно сможет гораздо более отчётливо осознать, что евреи являются частью Германии. Кроме того, я надеюсь, что юбилей придаст новые импульсы борьбе с антисемитизмом.

Интересно, что ЦСЕГ получает множество положительных откликов в связи с юбилейным годом. Не секрет, что большинство поступающих к нам писем и электронных сообщений носят отрицательный или даже явно антисемитский характер. Письма же, которые мы получаем к юбилейному году, в основном положительные. Уже одно только это свидетельствует об одобрительном отношении людей к этому событию.

Из каких кругов поступают такие положительные отклики?

Из самых разных, от представителей всех слоёв населения. Это могут быть люди, интересующиеся иудаизмом

Продолжение на стр. 2

2 März 2021 Zukunft

Sprach bei der Auftaktveranstaltung in der Kölner Synagoge: Bundespräsident Dr. Frank-Walter Steinmeier | Foto: dpa

Fortsetzung von Seite 1

Aus welchen Kreisen kommt solcher Zuspruch?

Aus ganz verschiedenen. Quer durch die Bevölkerung. Es können Menschen sein, die sich mit dem Judentum befasst haben oder im Dialog mit Juden stehen, aber auch solche, die sich mit jüdischen Themen bisher kaum beschäftigt haben. Menschen aus unterschiedlichen sozioökonomischen Schichten. Religiöse und nichtreligiöse. Das ist das Schöne daran, und es lässt mich hoffen, dass das Festjahr auch über das Ende der Feierlichkeiten hinaus ein Erfolg wird.

Sind Feierlichkeiten nicht wie Parfüm? Nett zu riechen, aber schnell verflüchtigt?

Wir sprechen in diesem Jahr nicht nur von Feierlichkeiten im Sinne von Zeremonien, Reden und Festschriften. Die Veranstalter wollen dieses Jahr dazu nutzen, möglichst viele Menschen konkret mit dem Judentum und dem jüdischen Leben bekannt zu machen. Durchgeführt werden unter anderem Konferenzen, Workshops, Synagogenführungen, Aufführungen zu aktuellen Themen, Ortsführungen durch jüdische Geschichte, ja sogar koschere Kochkurse. Zu Sukkot ist eine bundesweite Laubhütten-Aktion geplant, bei der an vielen Orten Sukkot errichtet werden sollen – Erklärungen inklusive. Leider wird Corona zumindest im ersten Halbjahr 2021 vielen solcher Aktionen Grenzen setzen. Virtuelle Weinproben gibt es nun mal nicht, um nur ein Beispiel zu geben, doch bin ich sicher, dass die Veranstalter das unter den gegebenen Umständen bestmögliche Ergebnis erreichen werden. Zudem kann das Festjahr Entwicklungen beschleunigen, die wir bereits in die Wege geleitet haben. Ich hoffe, dass

es auch in den Schulen das Interesse

an jüdischen Themen stärken wird.

"Man kann durchaus einen Überblick über die Geschichte der Juden in Deutschland in den Unterricht aufnehmen."

Und man kann dabei durchaus einen Überblick über die Geschichte der Juden in Deutschland in den Unterricht aufnehmen.

Und was haben die Juden von dem Festiahr?

Selbstverständlich gibt es viel, was auch wir selbst über unsere Geschichte lernen können. Es geht aber um viel mehr. Wenn es gelingt, die Selbstverständlichkeit jüdischen Lebens auf deutschem Boden und die Zugehörigkeit der Juden zu Deutschland in der Vergangenheit wie in der Gegenwart klar darzustellen, wird das unsere Verankerung in diesem Land stärken.

Начало на стр. 1

или поддерживающие контакты с евреями, однако есть и такие, которые до сих пор практически не интересовались еврейскими темами, люди, принадлежащие к разным слоям общества, религиозные и нерелигиозные. Это очень радует, и я надеюсь,

Организаторы

хотят использовать этот год, чтобы познакомить как можно больше людей с иудаизмом и еврейской жизнью.

что юбилейный год будет успешным и после завершения празднеств.

Но не похожи ли празднества на духи, которые приятно пахнут, но быстро выдыхаются?

В этом году речь идёт не только о торжествах в смысле церемоний, речей

и юбилейных публикаций. Организаторы хотят использовать этот год, чтобы конкретно познакомить как можно больше людей с иудаизмом и еврейской жизнью. Помимо прочего, состоятся конференции, семинары, экскурсии по синагогам, постановки на актуальные темы, экскурсии по еврейским местам и даже курсы кошерной кухни. К празднику Суккот запланирована всегерманская акция, во время которой во многих местах будут возводить праздничные шалаши и объяснять их значение.

К сожалению, из-за эпидемии коронавируса многие из таких акций не удастся провести в полном объёме, по крайней мере в первой половине 2021 года. Например, виртуальных дегустаций вина, увы, не бывает, однако я уверен в том, что с учётом сложившейся ситуации организаторы сделают всё возможное, чтобы добиться наилучших результатов.

Кроме того, юбилейный год может ускорить реализацию проектов, над которыми мы уже работаем. Надеюсь, что интерес к еврейским темам усилится и в школах. При этом вполне можно включить обзор истории евреев в Германии в школьную программу.

А что юбилейный год принесёт евреям?

реям? Разумеется, мы сами сможем многое узнать о нашей истории. Однако речь идёт о гораздо большем. Если нам удастся чётко показать, что еврейская жизнь на немецкой земле – это нечто само собой разумеющееся и что евреи являются неотъемлемой частью Германии как в прошлом, так и в настоящем, то это укрепит нашу связь с этой страной.

AUS DEN GEMEINDEN – JÜDISCHES LEBEN

HANAU

Im vergangenen Monat hat sich der rassistische Terroranschlag von Hanau zum ersten Mal gejährt. Damals hat ein Hanauer Einwohner neun Menschen in und vor zwei Bars getötet, anschließend seine Mutter und sich selbst. Anlässlich des Jahrestags des

Anschlags erklärte der Präsident des Zentralrats der Juden in Deutschland, Dr. Josef Schuster: "Als ich im vergangenen Jahr einen Tag nach dem Anschlag in Hanau war, war die Trauer in der ganzen Stadt zu spüren. Die Angehörigen der Opfer müssen seit diesem Tag mit dem schrecklichen Verlust leben. Viele Betroffene leiden noch heute unter den Spätfolgen des Anschlags. Ihnen gilt unsere Solidarität und unser Mitgefühl. Die Hinterbliebenen brauchen konkrete und nachhaltige Unterstützung. Die Aufarbeitung des Verbrechens ist noch nicht abgeschlossen. Der Täter hat sich nicht in einem Vakuum radikalisiert. Ietzt gilt es, die rechtsextremen Netzwerke, die weiterhin existieren, aufzudecken. Daneben müssen all jene Kräfte dauerhaft gestärkt werden, die sich unermüdlich und oft mit hohem persönlichen Risiko für unsere wehrhafte Demokratie einsetzen. Das geplante Fördergesetz muss endlich vorgelegt werden. Die beschlossenen Maßnahmen gegen Rechtsextremismus, Rassismus und Antisemitismus dürfen nicht in der Schublade verschwinden."

DIALOG

Das Präsidium des Zentralrats der Juden in Deutschland unter der Leitung von Präsident Dr. Josef Schuster und eine Delegation des Rates der Evangelischen Kirche in Deutschland (EKD), darunter der EKD-Ratsvorsitzende, Landesbischof Heinrich Bedford-Strohm, haben sich im März zu einem zweistündigen Austausch getroffen. Die Begeg-

nung fand wegen der Corona-Pandemie digital statt. Hauptthemen waren der Umgang mit der Pandemie in Gemeinden und Gesellschaft, Fragen der Religionsfreiheit in Deutschland und Europa sowie die wachsende Bedrohung durch Antisemitismus.

Eingangs der Sitzung gratulierte der EKD-Ratsvorsitzende Heinrich Bedford-Strohm dem Zentralrat zum Festjahr "1700 Jahre jüdisches Leben in Deutschland" und würdigte den großen Beitrag des Judentums zum Reichtum der religiösen und kulturellen Traditionen.

Umso schärfer verurteilte Bedford-Strohm den jüngsten Anstieg von antisemitischen Straftaten: "Wenn Jüdinnen und Juden in Deutschland Ziel von Hass und Gewalt werden, und Synagogen Ziel brutaler Terroranschläge werden, dann mischen sich bei mir Gefühle von Ohnmacht und großer Trauer mit Abscheu und Zorn." Gleichzeitig wachse aber auch die Entschlossenheit, alles dagegen zu tun, dass die dahinterstehenden menschenverachtenden antisemitischen Ideologien wieder salonfähig werden. "Dafür ist unerlässlich, dass sich die Religionen gemeinsam mit der Zivilgesellschaft in einer möglichst breiten Allianz für jüdisches Lebens solidarisch stark machen und im Kampf gegen Judenfeindschaft engagieren", so Bedford-Strohm.

Zentralratspräsident Dr. Josef Schuster ergänzte: "Jahrhundertelang wurde Antijudaismus in Kirchen gepredigt. Inzwischen ist dies lange überwunden, und die Kirchen sind Partner im Kampf gegen Antisemitismus. Auf evangelischer Seite hat sich dies besonders im Umgang mit dem Reformationsjubiläum gezeigt. Das christlich-jüdische Verhältnis war nie so gut wie heute. Gemeinsam setzen wir uns für demokratische Grundrechte wie die Religionsfreiheit und den Schutz von Minderheiten ein."

MÜHLHAUSEN

Die Stadt Mühlhausen (Thüringen) will die im Ort befindliche Synagoge verstärkt als Begegnungs- und Lernort gestalten. Das erklärten Oberbürgermeister Johannes Bruns und Stadtarchivleiter Helge Wittmann

Im Stadtbild: Rückansicht der Synagoge von Mühlhausen | Foto: Reinhardhauke/CC BY-SA 3.0/Wikimedia Commons

gegenüber der Thüringischen Landeszeitung. Die geplante Neugestaltung, zu der auch bauliche Sanierungsmaßnahmen gehören sollen, folgt der Übergabe der Synagoge durch die Jüdische Gemeinde Thüringen an die Stadt zu Beginn dieses Jahres.

Die seit 1841 bestehende Synagoge überstand die Terrornacht vom 9. November 1938, wurde aber verwüstet. 1947 wurde sie der Jüdischen Landesgemeinde Thüringen übergeben und 1998 wieder geweiht. Sie wird vorwiegend als Kulturort genutzt. Nun soll ihre Nutzung ausgebaut werden. Unter anderem ist eine Umgestaltung der im Gebäude bestehenden Ausstellung vorgesehen. Ferner ist angedacht, in der Synagoge einmal im Jahr Gottesdienst zu feiern, auch wenn es in der Stadt selbst heute keine jüdische Gemeinde mehr gibt. Eine jüdische Gemeinde bestand in

Eine jüdische Gemeinde bestand in Mühlhausen wahrscheinlich ab dem 13. Jahrhundert. Im Jahr 1561 wurden Juden aus der Stadt für mehr als zwei Jahrhunderte verbannt.

НОВОСТИ ОБЩИН – ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

ХАНАУ

В прошлом месяце исполнился год со дня расистского теракта в Ханау, в ходе которого один из жителей этого города застрелил девять человек в двух барах и перед ними, а затем убил свою мать и покончил с собой.

Unvergessen: Gedenktafel für die Opfer des Terroranschlags in Hanau |

По случаю годовщины теракта президент Центрального совета евреев в Германии д-р Йозеф Шустер заявил: «Когда я в прошлом году приехал в Ханау через день после теракта, во всём городе ощущалась скорбь. С этого дня родственникам жертв приходится жить с этой страшной утратой. Многие из них по сей день страдают от последствий теракта. Мы выражаем им нашу солидарность и наши соболезнования. Родственники погибших нуждаются в конкретной и долгосрочной поддержке. Анализ причин этого преступления ещё не завершён. Радикальные взгляды преступника возникли не на пустом месте. Сейчас необходимо выявить правоэкстремистские структуры, которые по-прежнему существуют. Помимо этого, следует на долгосрочной основе укреплять все те силы, которые неустанно, зачастую рискуя собой, выступают в защиту нашей демократии. Необходимо также наконец-то представить на рассмотрение парламента запланированный закон о поддержке демократии. Нельзя откладывать в долгий ящик реализацию утверждённых мер по

борьбе с правым экстремизмом, расизмом и антисемитизмом».

ДИАЛОГ

В марте состоялась двухчасовая встреча президиума Центрального совета евреев в Германии во главе с президентом д-ром Йозефом Шустером с делегацией Совета Евангелической церкви в Германии (ЕЦГ), возглавляемой председателем Совета ЕЦГ земельным епископом Генрихом Бедфордом-Штромом. Из-за пандемии коронавируса она прошла в режиме онлайн. Главными темами встречи были отношение общин и общества к пандемии, вопросы свободы вероисповедания в Германии и европе, а также растущая угроза антисемитизма.

В начале встречи председатель Совета ЕЦГ Генрих Бедфорд-Штром поздравил ЦСЕГ с юбилейным годом «1700 лет еврейской жизни в Германии», отметив большой вклад иудаизма в сокровищницу религиозных и культурных

традиций. Бедфорд-Штром резко осудил наблюдающийся в последнее время рост числа преступлений на почве антисемитизма. «Когда евреи в Германии становятся объектом ненависти и насилия. а синагоги – мишенью жестоких терактов, у меня наряду с чувствами бессилия и глубокой скорби возникают чувства отвращения и гнева», - заявил он. Бедфорд-Штром сказал, что одновременно в нём растёт решимость сделать всё для того, чтобы стоящие за этим человеконенавистнические антисемитские идеологии не стали обыденным явлением. «Для этого необходимо, чтобы религиозные сообщества совместно с гражданским обществом образовали как можно более широкий альянс в защиту еврейской жизни и активно участвовали в борьбе с ненавистью

Президент ЦСЕГ д-р Йозеф Шустер сказал: «На протяжении веков

к евреям», - подчеркнул Бедфорд-

антииудаизм проповедовался в церквях. Однако это уже давно ушло в прошлое, и церкви стали нашими партнёрами в борьбе с антисемитизмом. Евангелическая церковь особенно отчётливо продемонстрировала это во время празднования юбилея Реформации. Отношения между евреями и христианами никогда ещё не были такими хорошими, как сейчас. Мы вместе выступаем за такие фундаментальные демократические права, как свобода вероисповедания и защита меньшинств».

МЮЛЬХАУЗЕН

Власти города Мюльхаузена в Тюрингии планируют превратить здание местной синагоги в центр общения и учёбы. Об этом газете «Тюрингише ландесцайтунг» заявили обер-бургомистр Йоханнес Брунс и директор городского архива Хельге Виттман. Запланированные меры предусматривают в том числе и ремонт здания, которое в начале этого года было передано городу Еврейской земельной общиной Тюрингии.

Во время «Хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года внутренние помещения синагоги, построенной в 1841 году, были разгромлены, однако само здание уцелело. В 1947 году синагога была передана Еврейской земельной общине Тюрингии и в 1998 году снова освящена. Она используется в основном для проведения культурных мероприятий. По замыслу властей города спектр деятельности синагоги должен быть расширен. Помимо прочего, планируется придать новый облик расположенной в здании выставке. Кроме того, существует идея раз в год проводить в синагоге богослужения, хотя сегодня в городе больше нет еврейской общины. Еврейская община существовала в Мюльхаузене предположительно с XIII века. В 1561 году евреи почти на два столетия были изгнаны из

Die Jawne lebt

Der Lern- und Gedenkort in Köln leistet intensive Arbeit mit Schülern – passend zu seinem historischen Standort

Von Ute Glaser

₹roße Gedenkorte, die an Shoa und jüdisches Leben in Deutsch-Jand erinnern, gibt es viele. Doch oft sind es gerade die kleinen Einrichtungen, die mit besonderem Engagement und Herzblut betrieben werden und Brücken vom Gestern zum Heute bauen. Zu diesen zählt der Lernund Gedenkort Jawne in Köln, der durch Forschung, Ausstellungen, Publikationen, Gedenkveranstaltungen, Workshops, intensive Kontakte zu Zeitzeugen der Schoa und durch seine pädagogische Arbeit mit Schülern auf sich aufmerksam macht. Das wissenschaftliche Niveau ist hochkarätig – und all das wird ehrenamtlich geleistet.

"Es war uns immer wichtig, die Arbeit auf einen professionellen Standard zu heben", sagt Dr. Ursula Reuter, Vorsitzende des Fördervereins Lern- und Gedenkort Jawne und im Arbeitsleben Geschäftsführerin der Germania Judaica, der Kölner Bibliothek zur Geschichte des deutschen Judentums. Es beflügele das Niveau, "dass wir eine diverse Gruppe an Leuten sind: von der Religion, vom Beruf und von der Nationalität her." Herzstück des Vereins ist ein Arbeitskreis mit rund 15 Aktiven, die ihr Wissen und Können in Projekte einbringen und sich auch um alles andere kümmern – von Mitgliederwerbung bis Publikation.

Dass es den Lern- und Gedenkort Jawne gibt, ist einem Kölner Ehepaar zu verdanken: Irene und Dieter Corbach. Der evangelische Religionslehrer und seine Frau beschäftigten sich seit den 1980er-Jahren mit der jüdischen Vergangenheit Kölns. Sie sammelten Fotos und historische Dokumente und knüpften Kontakte in alle Welt zu Hunderten ehemaliger Schülerinnen und Schüler des früheren "Privaten jüdischen Reform-Realgymnasiums mit Realschule für Knaben und Mädchen" – kurz Jawne genannt.

Die Jawne wurde 1919 als erstes und einziges jüdisches Gymnasium im Rheinland eröffnet. 1942 wurde sie von den Nazis liquidiert. Da, wo früher die Schüler in der Pause tobten, befindet sich heute der Lern- und Gedenkort. Der Galerieraum zeigt die Dauerausstellung "Die Kinder auf dem Schulhof nebenan. Zur Geschichte der Jawne 1919-1942". Davor steht, mitten auf dem Erich-Klibansky-Platz, die Kindergedenkstätte Löwenbrunnen, die gerade bei Schüler-Workshops eine zentrale Rolle spielt: Auf Bronzetafeln sind die Namen der über 1100 Kölner Kinder und Jugendlichen verewigt, die in der NS-Zeit ermordet wurden.

Das gleiche Schicksal erlitt auch Dr. Erich Klibansky, Schuldirektor der Jawne, mit seiner Familie. Doch zuvor hatte er Großes geleistet: Er rettete 130 Schüler(inne)n das Leben, indem er sie mit vier Kindertransporten nach England zu schicken vermochte.

Dieter Corbach starb 1994, Irene Corbach 2005, doch ihre Sammlung fand ein würdiges neues Zuhause: Als Schenkung ging sie an das NS-Dokumentationszentrum der Stadt Köln im EL-DE Haus. "Ein großer Schatz", sagt Dr. Ursula Reuter. Die Vorsitzende des Fördervereins ist von Anfang an dabei und im Arbeitskreis des Lern- und Gedenkorts aktiv. "Frau Corbach hat mich noch selbst angesprochen."

Das EL-DE Haus - dort wurden Gestapo und Gefängnis zum Inbegriff der NS-Schreckensherrschaft - und die damalige jüdische Schule Jawne liegen geografisch nahe beieinander. "Sie ergänzen sich, diese beiden Perspektiven", sagt Dr. Rainer Lemaire, Vize-Vorsitzender des Fördervereins. Dieser Fakt plus die Tatsache, dass am Standort diese Schule existierte, habe es von Anfang sinnvoll gemacht, neben einem Gedenk- auch einen Lernort zu schaffen.

Wider das Vergessen: Dr. Ursula Reuter und Dr. Rainer Lemaire an der Kindergedenkstätte Löwenbrunnen vor den erleuchteten Fenstern des Lern- und Gedenkorts Jawne | Foto: U. Glaser

Dr. Lemaire arbeitet als Schulreferent des Evangelischen Kirchenverbands Köln und Region und hat selbst schon zahllose Workshops durchgeführt, in denen Schüler die Biografien ermordeter Kinder kennenlernen und deren Namen mittels der Frottage-Technik mit nach Hause nehmen. Die Schüler können auch Zeitzeugen treffen, etwa Henny Franks aus London, die bald 98 Jahre wird, oder Tamar Dreifuss, deren autobiografisches Kinderbuch "Die wundersame Rettung der kleinen Tamar" vom Verein samt Unterrichtsmaterialien herausgegeben wurde.

Das Gespräch mit Zeitzeugen beeindruckt die jungen Menschen ganz besonders. "Geschichte nicht nur allgemein aus dem Lehrbuch zu lernen, sondern hier vor Ort anhand konkreter Lebensgeschichten schafft nachhaltigen Eindruck", sagt Dr. Rainer Lemaire. Die Lebenswelt der früheren Jawne-Schüler biete Anknüpfungspunkte an die eigenen Erfahrungen heutiger Jugendlicher, was Identifikation ermögliche, Verständnis und Empathie fördere.

Doch das Leben ist endlich. Das wirft für den Verein die Frage auf: "Wie kann man stärker dokumentenorientiert erzählen, wenn wir die Zeitzeu-

gen nicht mehr haben?" Dr. Rainer Lemaire ist realistisch: "Das ist sehr traurig, aber diese pädagogische Herausforderung werden wir demnächst haben." Der Austausch mit der zweiten und dritten Generation sei daher ein

Dass es den Lernund Gedenkort Jawne gibt, ist einem Kölner Ehepaar zu verdanken: Irene und Dieter Corbach.

großes Anliegen, damit "neue Brücken für die Zukunft entstehen". Schon lange kommen auch Nachfahren der Jawne-Schülerschaft aus aller Welt zu dem kleinen Lern- und Gedenkort in Köln.

Eine andere Herausforderung hängt am Geld. Bis auf kleinere Zuschüsse von Stadt, Land und Evangelischer Kirche muss der Verein alles, was über genehmigte Projekte hinausgeht, selbst finanzieren. "Wir sind da momentan an einem schwierigen Punkt", gesteht Dr. Ursula Reuter. Dr. Lemaire setzt hinzu, dies sei besonders schade, da es weitere Projektideen gebe.

Nicht einmal die Koordination ehrenamtlicher Mitarbeit sei derzeit zu bewältigen, obwohl es Anfragen Interessierter gebe, bedauert Dr. Lemaire. "Das ist total traurig, aber wir schaffen es kaum, neue Menschen hier hereinzubringen." Deshalb stehen feste Haushaltsmittel, etwa für eine Koordinatoren-Stelle, auf der Wunschliste ganz obenan.

Trotz knapper Ressourcen sind die Aktiven bestrebt, möglichst viele Zeitzeugen noch zu interviewen, Video-Clips zu drehen, Dokumente zu digitalisieren und ins Internet zu stellen. Selbst die Coronakrise, die Besuche gestoppt und nur virtuelle Gedenkfeiern ermöglicht hat, wurde vom Verein positiv genutzt: Ende Februar ging die neugestaltete Website online, finanziert aus Bundesmitteln des Projekts Neustart. Sie bietet mehr O-Töne, Videos von Zeitzeugen, Dokumente und Fotos – und damit viel zum Stöbern.

www.jawne.de

Живая история

Расположенный в историческом месте образовательно-мемориальный центр «Явне» в Кёльне проводит интенсивную работу со

школьниками Ута Глазер

уществует множество больших мемориалов, посвящённых Холокосту и еврейской жизни в Германии. Однако зачастую именно Ирене и Дитеру Корбах. Начиная с маленькие мемориалы вкладывают свою работу особенно много сил и энтузиазма, наводя мосты из прошлого в настоящее. К ним относится и образовательно-мемориальный центр «Явне» в Кёльне, привлекающий к себе внимание своей исследовательской работой, выставками, публикациями, памятными мероприятиями, семинарами, интенсивными контактами со свидетелями Холокоста и педагогической работой со школьниками. Несмотря на то что его сотрудники работают на общественных началах, они делают это на высоком научном уровне.

«Нам всегда было важно работать в соответствии с высокими профессиональными стандартами», - говорит председатель общества «Образовательно-мемориальный центр "Явне"» д-р Урсула Ройтер, которая по своему основному роду деятельности является управляющей делами Кёльнской библиотеки по истории немецкого еврейства «Германия Юдаика». Повышению уровня работы общества способствует то, что «в нашу группу входят люди из разных стран, представители разных религий и профессий». Ядром общества является рабочая группа, состоящая из порядка 15 активных сотрудников, которые вкладывают свои знания и навыки в проекты и заботятся также обо всём остальном, начиная с привлечения новых членов и кончая подготовкой публикаций.

Своим возникновением образовательно-мемориальный центр «Явне» обязан супружеской паре из Кёльна 80-х годов преподаватель евангелической религии Дитер Корбах и его жена занималась изучением еврейской истории Кёльна. Они собирали фотографии и исторические документы и налаживали контакты с сотнями проживающих по всему миру бывших учеников «Частной еврейской реформированной реальной гимназии с реальной школой для мальчиков и девочек», которую коротко называли «Явне».

«Явне» открылась в 1919 году и была первой и единственной еврейской гимназией в Рейнской области. В 1942 году её закрыли нацисты. Там, где когда-то на переменах резвились ученики «Явне», сегодня находится образовательно-мемориальный центр. В галерее размещается постоянная экспозиция «Дети на соседнем школьном дворе. История "Явне" с 1919 по 1942 год». Перед зданием, в центре площади Эрих-Клибанскиплац, расположен мемориал Лёвенбруннен, играющий центральную роль, особенно во время семинаров для школьников: на бронзовых досках увековечены имена более 1100 детей и подростков из Кёльна, убитых во времена нацизма.

Такая же судьба постигла директора школы «Явне» д-ра Эриха Клибански и его семью. Однако перед этим ему удалось четыре раза отправить детей в Англию в рамках акции «Киндертранспорт» и таким образом спасти жизнь 130 школьникам.

После смерти Дитера Корбаха в 1994 году и Ирены Корбах в 2005 году их собрание попало в достойные руки: в качестве дара его передали в Кёльнский центр документации периода Эль-Де-Хаус. «Это большая ценность», - говорит нынешний председатель общества «Образовательно-мемориальный центр "Явне"» д-р Урсула Ройтер, которая с самого начала вошла в состав рабочей группы мемориала. «В своё время госпожа Корбах лично обратилась ко мне с этим предложением», – рассказывает она.

Эль-Де-Хаус, где располагались гестапо и тюрьма, ставшие символами нацистского террора, находится неподалёку от бывшей еврейской школы «Явне». «Эти две перспективы дополняют друг друга», - говорит заместитель председателя общества д-р Райнер Лемер. По его словам, учитывая этот факт, а также то, что на этом месте когда-то находилась школа, с самого начала представлялось целесообразным создать не только мемориальный, но и образовательный центр. Лемер, работающий референтом по вопросам школьного образования в Союзе евангелических церквей Кёльна и региона, сам провёл огромное количество семинаров, на которых школьники знакомятся с биографиями убитых детей и с помощью техники фроттажа изготавливают изображения их имён, которые они потом могут взять с собой домой. Учащиеся могут также встретиться с очевидцами Холокоста, например, с Хенни Франкс из Лондона, которой скоро исполнится 98 лет, или с Тамар Дрей-

фус, чья автобиографическая книга для детей «Чудесное спасение маленькой Тамар» была издана обществом вместе с учебными материалами.

на молодёжь особенно сильное впечатление. «Одно дело – общие знания об истории, почерпнутые из учебников, и совсем другое дело – изучение истории здесь на месте на примере конкретных биографий. Такие знания надолго остаются в памяти», говорит Райнер Лемер. Знакомство с повседневной жизнью бывших учеников «Явне» позволяет сегодняшним подросткам проводить параллели со своей собственной жизнью, что облегчает идентификацию, понимание и эмпатию.

К сожалению, жизнь не бесконечна. Это ставит перед обществом «Образовательно-мемориальный центр "Явне"» вопрос, как можно, опираясь на документы, эффективно проводить работу по сохранению памяти, когда уже не будет очевидцев событий. Будучи реалистом, Райнер Лемер говорит: «Очень печально, но скоро перед нами встанет эта педагогическая проблема». Поэтому, по его словам, важной задачей является диалог с представителями второго и третьего поколений, для того чтобы «перебросить новые мосты в будущее». Уже давно потомки очевидцев Холокоста со всего мира приезжают в этот маленький образовательно-мемориальный центр в Кёльне.

Ещё одна проблема – это финансирование. За исключением небольших дотаций от города, земли и Еван-

гелической церкви, обществу приходится самому финансировать всё, что выходит за рамки утверждённых проектов. «В данный момент мы находимся в тяжёлой ситуации», - признаёт д-р Урсула Ройтер. Лемер добав ляет, что это особенно печально, поскольку у общества множество идей, касающихся новых проектов.

Он рассказывает, что в настоящее время денег не хватает даже на координацию деятельности сотрудников, работающих на общественных началах, хотя соответствующие запросы поступают. «Это очень грустно, но у нас практически нет возможности привлекать новых людей», - говорит он. Поэтому одной из самых первоочередных задач является обеспечение бюджетных средств, например, для создания постоянной ставки координатора. Несмотря на ограниченные ресурсы, активные сотрудники общества стараются брать интервью у как можно большего количества очевидцев, снимать видеоклипы, оцифровывать документы и выкладывать их в Интернет. Общество продолжает свою работу даже во время эпидемии коронавируса, которая привела к отсутствию посетителей и вынудила организаторов проводить памятные мероприятия лишь в виртуальном режиме. В конце февраля был запущен новый сайт, финансируемый из средств федерального проекта «Нойштарт». Он предлагает ещё больше интересных материалов: аудио- и видеозаписи интервью с очевидцами событий, а также документы и фотографии.

www.jawne.de

Selbstbefreiung

Vor 200 Jahren wurde Jehuda Leib Pinsker, der zionistische Pionier und Vorläufer Theodor Herzls, geboren

war ein hochgebildeter ┥ Mensch. Er trug den Doktorti-■ tel. Zunächst befürwortete er, wenngleich er aus seinem Judentum kein Geheimnis machte, eine Anpassung der Juden an ihre Umgebung. Unter dem Eindruck eines wütenden Antisemitismus wandte er sich jedoch ideologisch in die umgekehrte Richtung und verlangte die Errichtung einer nationalen jüdischen Heimat, die Juden Schutz vor dem Antisemitismus bieten und ihnen zugleich ein auf internationaler Ebene anerkanntes, selbstständiges Leben ermöglichen würde. Seine Gedanken brachte er zu Papier, um seine Zeitgenossen für seine Vorstellungen zu gewinnen, und er setzte sich für die Realisierung seiner Vision auf politischer Ebene ein.

Nein: Die Rede ist hier nicht von Theodor Herzl, dem sozusagen offiziellen Begründer des politischen Zionismus. Die Rede ist vielmehr von Jehuda Leib (auch Leo oder Lew) Pinsker, dessen Geburtstag sich in diesem Jahr zum 200. Mal jährt. Ein guter Anlass zur Würdigung seines Beitrags zur Entstehung des jüdischen Staates. Bei seinem Entwurf der jüdischen Heimstätte handelt es sich um das Essay "Autoemancipation", das 1882 erschienen war, also 14 Jahre vor Herzls programmatischem Buch "Der Judenstaat".

Die Parallelen zwischen den beiden Persönlichkeiten und ihren Ideen sind – bei allen biografischen Unter-

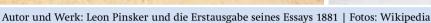
schieden – frappierend. So sehr, dass Herzl, dem Pinkers Schrift erst nach dem Verfassen von "Der Judenstaat" bekannt wurde, 1896 in seinem Tagebuch notierte: "Verblüffende Ähnlichkeit im kritischen, große Ähnlichkeit im konstruktiven Teil. Schade, dass ich die Schrift ["Autoemancipation" -Anm. d. Red.] nicht vor der Imprimatur der meinigen gelesen habe. Und doch wieder gut, dass ich sie nicht kannte - ich hätte mein Werk vielleicht unterlassen."

Geboren wurde Pinsker 1821 im damaligen Zarenreich, als Sohn des Orientalisten und Schulleiters Simcha Pinsker. Kurze Zeit später siedelte die Familie nach Odessa über. Dort machte der junge Pinsker das Abitur und studierte an der Universität.

Von zionistischer Gesinnung konnte bei ihm damals noch keine Rede sein. Vielmehr verfocht er die Integration der Juden in die russische Gesellschaft. Zu diesem Zweck setzte er sich für die Verbreitung der russischen Bildung innerhalb der jüdischen Bevölkerung Russlands bei gleichzeitiger Gleichberechtigung der Juden ein.

Mit der Zeit verzweifelte er jedoch an diesem Ziel, und zwar – wie es später auch bei Herzl durch den Dreyfus-Prozess in Frankreich der Fall sein würde - unter dem Anprall des Antisemitismus. Im Jahr 1871 kam es in Odessa zu einem blutigen Pogrom, der den Glauben vieler jüdischer Intellektuel-

ler an die Möglichkeit einer jüdischen Integration in Russland erschütterte. Zu ihnen zählte auch Pinsker. Auch wenn er vorerst noch hoffte, die blutigen Ereignisse von 1871 seien ein isolierter Fall, verzweifelte er am Ziel der Gleichberechtigung, nachdem es zehn Jahre später in Odessa und in einer Reihe weiterer russischer Städte zu gewalttätigen, von Armee und Behörden geförderten Ausschreitungen gegen Juden gekommen war.

In Pinskers Denken bewirkte diese Pogromwelle eine Wende. Er sah nun seine ursprünglichen Vorstellungen von einem gleichberechtigten Miteinander von Juden und Nichtjuden in der russischen wie in der europäischen Gesellschaft generell als bloße Illusion an. Deshalb begann er, für eine nationale Eigenständigkeit der Juden zu werben. Nach seiner Reise nach Westeuropa im Frühjahr und Sommer 1882 veröffentlichte er, anonym und auf Deutsch, sein Essay "Autoemancipation - Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden".

Die relativ kurze Broschüre stellte Pinsker unter das Motto Hillels, des berühmten Schriftgelehrten des letzten Jahrhunderts vor der Zeitenwende:

In Pinskers Denken bewirkte die Pogromwelle von 1871 eine Wende.

"Wenn ich selbst mir nicht helfe, wer denn? Und wenn nicht heute, wann denn?"

Um der Judenfeindschaft auf den Grund zu gehen, holte Pinsker in die Antike aus, und zwar bis zur Zerstörung des jüdischen Staates durch die

römische Besatzungsmacht. "Nachdem das jüdische Volk seine staatlich-leibliche Existenz, sein politisches Dasein aufgegeben, konnte es dennoch der totalen Vernichtung nicht anheimfallen, hörte es nicht auf, geistig als Nation fortzubestehen" - mit diesen Worten fasste er die jüdische Geschichte nach dem Fall Judäas zusammen.

Archiv - "--isticken Erganisation.

"Autoemancipation!

Mahnruf an seine Stammesgenossen

einem russischen Juden.

von W. Issleib (G. Schuhr).

"Die Welt", so Pinskers eher apokalyptisch anmutende Analyse, "erblickte in diesem Volke die unheimliche Gestalt eines Toten, der unter den Lebenden wandelt." Den Judenhass fasste er als "Judophobie" auf und diagnostizierte scheinbar unterkühlt: "Die Judophobie ist eine Psychose. Als Psychose ist sie hereditär, und als eine seit zweitausend Jahren vererbte Krankheit ist sie unheilbar."

Deshalb sei der Versuch, den Judenhass zu bekämpfen, folgerte er, vergeblich, ja eine Kraftvergeudung: "Die Völker mögen in ihren gegenseitigen Beziehungen, in ihren Instinkten und Bestrebungen noch so auseinandergehen – in ihrem Widerwillen gegen die

Fortsetzung auf Seite 5

Самоосвобождение

Двести лет назад родился Иегуда Лейб Пинскер, один из основоположников сионизма, чьи идеи предвосхитили идеи Теодора Герцля

своего еврейства, поначалу он выступал за адаптацию евреев к окружающей среде. Однако вспышки ненависти к евреям заставили его коренным образом изменить свою позицию, и он стал призывать к созданию национального еврейского дома, который смог бы защитить евреев от антисемитизма и обеспечить им самостоятельное существование и признание на международной арене. Чтобы заручиться поддержкой своих современников, он изложил свои мысли на бумаге и стал бороться за реализацию своих идей на политическом уровне.

Нет, речь идёт не о Теодоре Герцле, считающемся официальным основателем политического сионизма, а о Иегуде Лейбе (также Леон или Лев) Пинскере, 200-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Это хороший повод напомнить о его вкладе в возникновение еврейского государства. Свои преставления о еврейском национальном доме он изложил в брошюре «Автоэмансипация», вышедшей в 1882 году, то есть за 14 лет до основополагающей книги Герцля «Еврейское государство».

Несмотря на очень разные биографии, между этими двумя людьми и их идеями наблюдаются поразительные параллели. Настолько поразительные, что Герцль, который познакомился с брошюрой Пинске-

человеком с докторской сте- го государства», в 1896 году записал 🛮 дежду на достижение евреями рав- 🖯 скера кардинально изменить свою 🖯 среди живых». Называя ненависть сходство в критической, большое сходство в конструктивной части. Жаль, что я не прочитал его брошюру («Автоэмансипация» – прим. ред.) до подписания в печать моей книги. С другой стороны, хорошо, что я о ней не знал, потому что в противном случае я бы, возможно, вообще не стал писать эту книгу».

Пинскер родился в 1821 году в царской России в семье востоковеда и директора школы Симхи Пинскера. Вскоре после этого семья переехала в Одессу. Там Пинскер окончил школу и университет.

В то время он был крайне далёк от сионистских взглядов. Более того, он призывал к интеграции евреев в российское общество, выступая за распространение русского образования среди евреев России и уравнивание их в правах с остальным населением.

Однако со временем он разочаровался в этих идеях из-за антисемитских эксцессов, как это позже произошло с Герцлем под влиянием дела Дрейфуса во Франции. В 1871 году в Одессе разразился кровавый погром, подорвавший веру многих представителей еврейской интеллигенции в возможность интеграции евреев в российское общество. В их числе был и Пинскер. Хотя поначалу он надеялся, что кровавые события 1871 года были единичным случа-

н был высокообразованным ра уже после написания «Еврейско- ем, десять лет спустя он потерял на- Эта волна погромов заставила Пин- щий призрак мертвеца, бродящего

Свои представления о еврейском национальном доме Пинскер изложил в брошюре «Автоэмансипация», вышедшей в 1882 году.

ноправия после погромов в Одессе и ряде других российских городов, произошедших при поддержке армии и властей.

что его первоначальные представления о равноправном сосуществовании евреев и неевреев как в российском, так и европейском обществе были абсолютно иллюзорными. Поэтому он стал призывать к национальной независимости евреев. После поездки по Западной Европе весной и летом 1882 года он опубликовал брошюру «Автоэмансипация - Призыв русского еврея к своим соплеменникам», которая вышла анонимно на немецком языке.

В качестве эпиграфа к своей относительно короткой брошюре Пинскер выбрал изречение знаменитого законоучителя первого века до нашей эры Гиллеля: «Если не я за себя – то кто же? Если не теперь – то когда же?»

Стремясь выявить причины ненависти к евреям, Пинскер обратился к античности, а именно ко времени уничтожения еврейского государства римскими оккупантами. «Но и с потерей государственной независимости, с прекращением политического существования, еврейский народ не был окончательно уничтожен, продолжая существовать, как нация, духовно», - такими словами подытоживает он еврейскую историю после падения Иудеи.

Производящий апокалиптическое впечатление анализ Пинскера гласит: «Мир узрел в этом народе злове-

к евреям «юдофобией», он с нарочи той бесстрастностью ставит следующий диагноз: «Юдофобия - это психоз; как таковой она наследственна, и как болезнь, в течение тысячи лет переходившая по наследству - стала неизлечимой».

Из этого он делает вывод, что бороться с антисемитизмом бессмысленно, что это пустая трата сил: «Пусть народы расходятся в своих стремлениях и инстинктах - в своей ненависти к евреям они протягивают друг другу руки; в этом единственном пункте они все согласны».

В то же время Пинскер упрекает евреев в недостатке национального самосознания, которое является предпосылкой автоэмансипации. Этот недостаток он называет болезненным: «Но что более всего удерживает евреев от стремления к самостоятельному существованию - это отсутствие в них такой потребности». «Отсутствие у больного потребности в пище и питье признаётся угрожающим симптомом, и не всегда удаётся излечить больного от опасного отвращения к пище», пишет он.

Оптимизм Пинскеру внушали тогда ещё только зарождавшиеся, но уже заметные усилия восточноевропейских евреев, направленные на расширение еврейского присут-

Продолжение на стр. 5

Land in Sicht: Teilnehmer der Chowewei-Zion-Konferenz in Kattowitz im Jahr 1884 | Foto: Wikipedia

Fortsetzung von Seite 4

Juden reichen sie sich die Hände, in diesem einzigen Punkte sind sie alle miteinander einverstanden."

An den Juden wiederum bemängelte Pinsker ein ungenügendes Nationalbewusstsein, das eine Voraussetzung für die Autoemanzipation wäre. Diesen Mangel bezeichnete er als krankhaft: "Was jedoch die Juden am meisten von der Erstrebung einer eigenen nationalen Existenz zurückhält, ist der Umstand, dass sie nach einer solchen Existenz kein Bedürfnis fühlen." Krankhaft sei auch das: "Beim Kranken ist das fehlende Bedürfnis nach Speise und Trank ein sehr bedenkliches Symptom. Nicht immer gelingt es, ihn von seiner verhängnisvollen Anorexie zu befreien."

Was Pinsker dennoch Hoffnung gab, waren die damals noch sehr jungen, sich aber schon abzeichnenden Bestrebungen osteuropäischer Juden, eine Präsenz im Land Israel aufzubauen. Der Drang nach Palästina, so Pinsker, "zeugt doch für den richtigen Instinkt des Volkes, dem es klar geworden, dass es einer Heimat bedarf."

Allerdings konnte er sich die Grün-

dung der jüdischen Heimat auch anderswo vorstellen: "Möglicherweise könnte auch das heilige Land unser eigenes werden. Dann um so besser, aber es muss vor allem festgestellt

In Osteuropa fielen Pinskers Thesen auf fruchtbareren Boden.

werden – und darauf kommt es nur an – welches Land uns überhaupt zugänglich und gleichzeitig geeignet ist, den Juden aller Länder, welche ihre Heimat verlassen müssen, eine sichere, unangefochtene, produktionsfähige Zufluchtstätte zu bieten." In seinem Essay entwickelte Pinsker ganz konkrete Vorstellungen davon, wie das große Vorhaben angepackt werden könnte. Die Führung der neuen Bewegung müsse, gemeinsam mit Kapitalgebern, "einen Strich Landes ankaufen, auf welchem mit der Zeit einige Millionen Juden sich ansiedeln könnten." Über Bodenverteilung, Erlöse und Hilfe für mittellose Einwanderer machte sich Pinsker ebenfalls detaillierte Gedanken.

Eine so durchschlagende politische Wirkung wie Herzls späterer "Judenstaat" vermochte die "Autoemancipation" nicht zu entwickeln. In Westeuropa wurde die Schrift kaum wahrgenommen, und wenn es doch Reaktionen aus jüdischen Kreisen gab, so waren sie mehrheitlich negativ. Die meisten westeuropäischen Juden setzten unverändert auf Aufklärung, Humanismus und Gleichberechtigung. Zum Teil wurde Pinsker vorgeworfen, mit der Behauptung, die Juden seien ein Volk – und nicht nur eine Religion –, Antisemiten Munition zu liefern.

In Osteuropa fielen seine Thesen dagegen auf fruchtbareren Boden. Dort lieferten sie zahlreichen Juden, die einen Ausweg aus ihrer hoffnungslosen Lage suchten, ein dankbar angenommenes gedankliches Gerüst. Schließlich stellte Pinsker in Aussicht, dass Juden ihr Schicksal ändern könnten, wenn sie es selbst in die Hand nähmen. Für die brutal unterdrückten Juden im Osten des Kontinents war das ein Hoffnungsschimmer.

Pinsker fand Anschluss an die Chowewei-Zion-Bewegung ("Freunde Zions"), die die Besiedlung des Landes Israel nicht nur propagierte, sondern auch in die Tat umzusetzen versuchte. Obwohl die Erfolge bescheiden blieben – dabei spielten sowohl ein Mangel an finanzieller Unterstützung durch westeuropäische Juden, als auch der Widerstand der türkischen Behörden gegen die Einwanderung eine Rolle –, so schuf die Bewegung doch eine organisatorische Basis, auf die sich die zionistische Bewegung unter Herzl später stützen konnte. Im Jahr 1884

wurden die einzelnen Chowewei-Zion-Gruppen auf einer Konferenz in Kattowitz zu einem Dachverband zusammengefasst, dessen Leitung Pinsker übertragen wurde. In einem gewissen Sinne war die Kattowitzer Konferenz ein Vorläufer des Ersten Zionistischen Kongresses in Basel im Jahr 1897. Zudem konnte die Bewegung, allen Behinderungen zum Trotz, neue jüdische Siedlungen wie Rischon leZion und Sichron Jaakow gründen oder bestehende stärken.

Pinsker selbst war es nicht beschieden, nach Israel überzusiedeln. Der politischen Kämpfe müde und gesundheitlich angeschlagen legte er die Führung der Chowewei-Zion-Bewegung 1888 nieder. 1891 starb er in Odessa. 1934 wurden seine Gebeine in das damalige britische Mandatsgebiet Palästina verbracht und in Jerusalem beigesetzt.

Alternativen

Im Lauf des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts wurde die Schaffung einer jüdischen Heimat oder zumindest einer Zufluchtsstätte außerhalb Israels für verfolgte und bedrängte Juden mehrmals aufgegriffen, sei es, weil die Initiatoren die Rückkehr in die biblische Heimat für unrealisierbar, sei es, weil sie sie nicht für erstrebenswert hielten.

Eine frühe Idee, die eher vom guten Willen als vom Realitätssinn des Urhebers zeugte, war die Gründung eines Zufluchtsortes für Juden, genannt "Ararat", auf Grand Island, einer Insel im Niagara-Fluss unweit der Stadt Buffalo im Bundesstaat New York. Der Ideengeber, Mordecai Manuel Noah, erwarb sogar einen Großteil der Insel und legte dort 1825 den Grundstein für sein Projekt, das sich freilich schnell als reine Utopie erwies, allein schon, weil die Insel gerade mal 70 Quadratkilometer groß war. Nachdem das Vorhaben kaum Anhänger gewinnen konnte, gab Noah die Idee auf.

Ende des 19. Jahrhunderts finanzierte der deutsch-jüdische Philanthrop Baron Maurice de Hirsch die Gründung von Kolonien für auswanderungswillige osteuropäische Juden in Südamerika, vor allem in Argentinien. Allerdings verfolgte er damit keine nationalstaatlichen Ziele. Vielmehr waren die Kolonien Teil seines großzügigen Engagements zugunsten von Juden in Russland und in der österreichisch-ungarischen Doppelmonarchie. Mit seinen Geldmitteln wurden auch zwei jüdische Agrarsiedlungen für jüdische Einwanderer in Nordamerika gegründet: eine in den USA und eine in Kanada.

Pinsker selbst stellte in seiner "Autoemancipation" konkrete Überlegungen zu alternativen Standorten an, beispielsweise in den USA. Dabei mahnte er, falls der Kauf von Land für eine jüdische Heimat in den Vereinigten Staaten beschlossen werden solle, müssten sich die Juden mit dem Bodenerwerb beeilen, da die schnell wachsende Bevölkerung in dem Einwanderungsland USA den Boden knapp zu machen drohe.

Am bekanntesten wurde aber der sogenannte Uganda-Plan. Hierbei handelte es sich um einen 1903 von der britischen Regierung unterbreiteten Vorschlag, eine autonome jüdische Kolonie in Ostafrika zu gründen. Obwohl dabei von "Uganda" die Rede war, handelte es sich um das Gebiet des heutigen Kenias. Zwar wollte Herzl die Durchführbarkeit dieses Plans nur als Vorstufe zur Besiedlung Israels prüfen, doch stieß allein schon die Idee an sich auf heftigen Widerstand innerhalb der zionistischen Bewegung und wurde 1904 von London zurückgenommen.

Unterdessen schritt der Aufbau des jüdischen Gemeinwesens in dem bis 1917 vom Osmanischen Reich und ab 1917 von Großbritannien regierten Israel ungeachtet zahlreicher Widrigkeiten voran. Spätestens in den Zwanzigerjahren des 20. Jahrhunderts, nachdem die sogenannte Dritte Alija rund 40.000 Immigranten ins Land gebracht hatte, bildete die jüdische Bevölkerung staatsähnliche politische, wirtschaftliche und soziale Strukturen heraus. Damit war der Weg zur Gründung des jüdischen Staates in der historischen Heimat vorgezeichnet.

Начало на стр. 4

ствия в Земле Израиля. По его мнению, влечение в Палестину «обнаружило правильный инстинкт народа, которому стало ясно, что ему необходимо иметь свою родину».

Однако Пинскер мог себе представить создание еврейского национального дома и в другом месте: «Возможно, что и Святая земля станет нашей собственностью. Тем лучше, но прежде всего должно быть твёрдо установлено – в этом вся суть – какая страна вообще доступна и в то же время пригодна служить евреям всех стран, вынужденным покинуть родину, верным, никем не оспариваемым приютом, способным дать необходимое пропитание».

В своей брошюре Пинскер излагает вполне конкретные представления о том, как можно реализовать это великое начинание. Он пишет, что руководство нового движения должно совместно с инвесторами «купить полосу земли, на которой со временем могли бы поселиться несколько миллионов евреев». Пинскер также детально продумал вопросы распределения земли, прибылей и помощи неимущим иммигрантам.

Брошюра «Автоэмансипация» не имела такого мощного политического эффекта, как вышедшая позже книга Герцля «Еврейское государство». В Западной Европе она осталась практически незамеченной, а реакция в еврейских кругах если и была, то в основном отрицательная. Большинство западноевропейских евреев по-прежнему делали ставку на просвещение, гуманизм и равно-

правие. Некоторые даже обвиняли Пинскера в том, что своим утверждением, что евреи – это народ, а не только религия, он льёт воду на мельницу антисемитов.

В Восточной Европе идеи Пинскера были с благодарностью восприняты многочисленными евреями, искавшими выход из своего безнадёжного положения.

Зато в Восточной Европе его идеи попали на благодатную почву. Там они были с благодарностью восприняты многочисленными евреями, искавшими выход из своего безнадёжного положения, ведь Пинскер

утверждал, что они могут изменить свою судьбу, если возьмут её в свои руки. Это было проблеском надежды для восточноевропейских евреев, подвергавшихся жестокому угнегонию

Пинскер присоединился к движению Ховевей Цион («Друзья Сиона»), которое не только пропагандир вало заселение Земли Израиля, но и пыталось претворить эту идею в жизнь. И хотя результаты были скромными, в том числе и из-за недостаточной финансовой поддержки со стороны западноевропейских евреев и препятствий, чинимых иммиграции турецкими властями, Ховевей Цион создало организационные структуры, на которые позже смогло опереться сионистское движение во главе с Герцлем. В 1884 году на съезде в городе Катовице отдельные группы Ховевей Цион избрали центральный комитет, председателем которого стал Пинскер. В некотором смысле Катовицкий съезд был предшественником Первого сионистского конгресса в Базеле, состоявшегося в 1897 году. Кроме того, несмотря на все препятствия, движению Ховевей Цион удалось основать такие новые еврейские поселения, как Ришон-ле-Цион и Зихрон-Яаков, а также укрепить уже существующие.

Пинскеру не было суждено переселиться в Землю Израиля. В 1888 году, устав от политической борьбы, Пинскер, здоровье которого было подорвано, ушёл с поста главы движения Ховевей Цион. Он умер в 1891 году в Одессе. В 1934 году его останки были перевезены в тогдашнюю подмандатную Палестину и захоронены в Иерусалиме. wst

Альтернативы

В XIX и начале XX века неоднократно выдвигалась идея создания национального еврейского очага или, по крайней мере, прибежища для преследуемых и притесняемых евреев за пределами Земли Израиля, авторы которой считали возвращение на библейскую родину неосуществимым или нежелательным.

Одно из первых предложений подобного рода, свидетельствовавшее скорее о благих намерениях, чем о реалистичном подходе его автора, предусматривало создание прибежища для евреев, названного «Арарат», на острове Гранд-Айленд на реке Ниагара недалеко от города Буффало, штат Нью-Йорк. Выдвинувший его Мордехай Мануэль Ноах даже купил большую часть острова и в 1825 году приступил к осуществлению своего проекта. Разумеется, вскоре стало очевидно, что это была полная утопия, хотя бы уже потому, что площадь острова составляла всего лишь 70 кв. километров. Когда выяснилось, что у проекта практически нет сторонников, Ноах отказался он него.

В конце XIX века немецко-еврейский филантроп барон Морис де Гирш финансировал создание колоний для желавших эмигрировать восточноевропейских евреев в Южной Америке, и прежде всего в Аргентине. Однако он не преследовал цель создания национального государства. Эти колонии были скорее частью его щедрой благотворительной деятельности в пользу евреев царской России и Австро-Венгерской монархии. На его деньги было также создано два сельскохозяйственных поселения для еврейских иммигрантов в Северной Америке: одно в США, а другое в Канаде. Сам Пинскер в своей брошюре «Автоэмансипация» изложил конкретные соображения по поводу альтернативных мест поселения, например, в США. При этом он предупредил, что если идея покупки земли для создания национального еврейского очага в США будет принята, то евреи должны с этим поторопиться, поскольку быстрый рост населения этой страны в результате иммиграции может привести к нехватке земли.

Однако наибольшую известность приобрёл так называемый план Уганды. Речь идёт о выдвинутом британским правительством в 1903 году предложении создать автономную еврейскую колонию в Восточной Африке. Несмотря на название, в плане говорилось о территории нынешней Кении. Хотя Герцль лишь хотел проверить осуществимость этого плана в качестве предварительного этапа на пути к заселению Земли Израиля, однако уже сама эта идея вызвала бурный протест внутри сионистского движения, и в 1904 году британское правительство от неё отказалось. Тем временем, несмотря на многочисленные трудности, формирование еврейской государственности на территории Земли Израиля, которая до 1917 года находилась под властью Османской империи, а с 1917 года – под управлением Великобритании, продвигалось. Самое позднее в 20-е годы XX века, после прибытия в Палестину около 40000 иммигрантов в рамках так называемой 3-й алии, еврейское население создало аналогичные государственным политические, экономические и социальные структуры. Это открыло дорогу к основанию еврейского государства на исторической родине.

Deutschland. Kein Wintermärchen.

Das Buch "In Sodom" dokumentiert den erschütternden Auftritt des jiddischen Dichters Avrom Sutzkever als Zeuge beim Nürnberger Kriegsverbrecherprozess

ter reist nach Deutschland. Die ■ Reise fasst er in Worte, wie sie nur ein Großmeister der schriftstellerischen Kunst zu Papier bringen kann. Nein, die Rede ist nicht von Heinrich Heines Deutschlandreise im Jahr 1843. Und das Werk, um das es geht, ist kein humorvoll-satirisches Epos, wie Heine sein "Deutschland. Ein Wintermärchen" angelegt hat. Vielmehr schlagen vom Papier die Worte dem Leser ins Gesicht, lassen seinen Atem stocken. Es ist eine Mischung aus Zeugenaussagen, Tagebuchnotizen und dem Liederzyklus "In Sodom", dem das Buch seinen Titel verdankt, einem poetischen Werk, das knapp, präzise und schmerzhaft ist.

¬ s ist Winter. Ein jüdischer Dich-

Das Buch, um das es sich handelt, trägt den vollen Titel "In Sodom: Avrom Sutzkever in Deutschland" und ist kürzlich im Hentrich & Hentrich Verlag erschienen. Herausgeber ist der Künstler Arndt Beck, der das Buch auch grafisch gestaltet hat. Leicht ist diese Lektüre nicht. Notwendig ist sie aber allemal.

Historischer Hintergrund ist Sutzkevers im Februar 1946 angetretene, nur zwei Wochen lange Reise nach Deutschland. Damals in Moskau lebend, war Sutzkever als Zeuge im Nürnberger Kriegsverbrecherprozess benannt worden und wurde, zusammen mit mehreren anderen Zeugen aus Moskau, nach Deutschland eingeflogen. Er sei, wie ihm ein Vertreter der sowjetischen Anklage erklärte, der erste jüdische Zeuge, der vor dem Internationalen Militärtribunal auftreten würde. Das war eine Verantwortung, der der Dichter sich durchaus bewusst war.

Zu berichten hatte der damals 32-Jährige in Nürnberg viel, sehr viel. 1913 im heutigen Weißrussland geboren, kam Sutzkever, dessen Familie während des Ersten Weltkrieges von den zaristischen Behörden zwangsausgesiedelt worden war und sich in Sibirien durchschlagen musste, im Alter von sieben Jahren nach Wilna. In der damals zu Polen gehörenden Stadt, einem führenden Zentrum jüdischer Kultur, wuchs er auf, begann seine Laufbahn als Dichter und schloss sich der avantgardistischen jiddischen Literaturbewegung "Jung-Wilne" an.

Und avantgardistisch war er allemal. Sein literarisches Lebenswerk zeichnet sich durch ein fabelhaftes dichterisches Talent ebenso wie durch eine Sprachkühnheit aus, die nicht nur im Jiddischen, sondern auch im Rahmen der Weltliteratur des 20. Jahrhunderts insgesamt selten war.

Nach der Besetzung Wilnas durch deutsche Truppen im Juni 1941 wurde Sutzkever ins Wilnaer Ghetto eingewiesen. Dort wurden seine Mutter und sein neugeborener Sohn ermor-

Dichter, Kämpfer, Zeitzeuge: Avrom Sutzkever 1950; Gedenktafel an der berüchtigten Massenmordstätte im Wald von Ponar bei Wilna | Fotos: Wikipedia; Avi1111 dr. avishai teicher - Own work, CC BY-SA 3.0, Wikimedia Commons

det. Er schloss sich dem jüdischen Widerstand an, schmuggelte Waffen ins Ghetto und war auch an der Rettung wichtiger jüdischer Handschriften und Bücher beteiligt - eine Aktion, die ihm Jahrzehnte später Ruhm einbringen sollte, ihn damals aber hätte das Leben kosten können.

1943 gelang ihm, kurz vor der Liquidierung des Ghettos, die Flucht in das Partisanengebiet in den nahe gelegenen Naroczer Wäldern, wo er gegen die Nazis weiterkämpfte. Während der Ghetto- und Partisanenzeit schrieb Sutzkever weiter. Ohne das Schreiben, würde er später erklären, hätte er diese Zeit nicht überstehen können.

Auf Anweisung der sowjetischen Behörden wurde er in einer gefährlichen Operation aus besetztem Gebiet nach Moskau ausgeflogen, wo er unter anderem an den Aktivitäten des Jüdischen Antifaschistischen Komitees teilnahm. Im Februar 1946 kam er dann nach Deutschland, zuerst nach Berlin, dann nach Nürnberg. Die zwei Wochen, die er in Deutschland verbrachte, waren ein prägendes Ereignis in seinem Leben. Sie und ihr historischer Hintergrund sind das Thema, das "In Sodom" dokumentiert wird und dabei Sutzkever selbst im Originalton zu Wort kommen lässt.

Die Begegnung mit Deutschland, selbst nachdem es besiegt worden war, fiel Sutzkever nicht leicht.

Die Begegnung mit Deutschland, selbst nachdem es besiegt worden war, fiel Sutzkever nicht leicht. Bereits beim Hinflug notierte er in seinem

Tagebuch: "Wir fliegen über Deutschland. Die Dörfer – rote, zweistöckige Gebäude. Das Flugzeug fliegt nun sehr bodennah: in jedem Dorf – eine rote Backsteinkirche im mittelalterlichen Stil. Alles ist rot, vollgesogen mit unserem Blut."

Freundliche Gefühle gegenüber Deutschland und den Deutschen kommen in Sutzkever nicht auf. Nach der Ankunft in Berlin vermerkt er am 20. Februar 1946: "Berlin. Ich überzeuge mich mit eigenen Augen, dass die russische Bezeichnung für die Stadt ,swjerinaja bjerloga', Höhle der Bestie, sehr zutreffend ist. Sogar jetzt, wo die Stadt auf den Kopf gestellt wurde, macht sie noch immer den Eindruck einer Bestienhöhle." Nach einem Gang durch die Stadt verfasste er das Gedicht "Ojf'n Mark" (Auf dem Markt), in dem er unter anderem sarkastisch feststellt: "Man kriegt hier alles. Eine Büste Heinrich Heines und Judenseife - fast auf Schritt und Tritt [...] Und wie ein Donnerwagen beginnt sie zu erwachen, die Internationale der toten Sachen."

Fortsetzung auf Seite 7

Германия. Не зимняя сказка

Книга «В Содоме» повествует о выступлении идишского поэта Аврома Суцкевера на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля

🦳 има. Еврейский поэт едет в Гер-

Нет, речь идёт не о поездке Генриха Гейне в Германию в 1843 году и не о полном юмора и сатиры эпосе, который представляет собой его поэма «Германия. Зимняя сказка». Эта книга производит столь мощное впечатление, что у читателя ком подступает к горлу. Она представляет собой смесь из свидетельских показаний, дневниковых записей и стихотворений из отличающегося лаконичностью и чёткостью, пропитанного болью поэтического цикла «В Содоме», которому книга обязана своим названием.

Полное название книги, о которой идёт речь, «В Содоме. Авром Суцкевер в Германии». Недавно она вышла в издательстве «Хентрих & Хентрих» под редакцией Арндта Бека, который также осуществил её графическое оформление. Читать эту книгу нелегко, однако в любом случае это необходимо.

В основу книги легла двухнедельная поездка Суцкевера в Германию в феврале 1946 года. Суцкевер, который тогда жил в Москве, должен был выступить в качестве свидетеля на суде над нацистскими военными преступниками в Нюрнберге. Для этого его вместе с рядом других свидетелей отправили на самолёте из Москвы в Германию. Как сказал ему один из представителей обвинения с советской стороны, он должен

был стать первым еврейским сви- жать к партизанам в близлежащие манию. Своё путешествие он детелем, который выступит перед описывает так, как это может Международным военным трибунасделать только великий мастер сло- лом. Суцкевер отдавал себе отчёт в него налагало.

> 32-летнему Суцкеверу было что рассказать в Нюрнберге. Он родился в 1913 году на территории нынешней Белоруссии в семье, которую царские власти принудительно выселили в Сибирь во время Первой мировой войны. Когда ему было семь лет, он переехал в Вильно (Вильнюс), который тогда принадлежал Польше и был одним из главных центров еврейской культуры. В этом городе он вырос, начал свою поэтическую деятельность и присоединился к авангардистскому идишскому литературному движению «Юнг Вильне».

> И действительно, его произведения были авангардистскими. Литературное творчество Суцкевера свидетельствует о его ярком поэтическом даровании и отличается языковой смелостью, редко встречающейся не только в идишской, но и мировой литературе XX века.

> После оккупации Вильнюса немецкими войсками в 1941 году Суцкевер попал в гетто. Там погибли его мать и новорожденный сын. Он вступил в ряды еврейского сопротивления, тайком переправлял в гетто оружие и участвовал также в спасении важных еврейских рукописей и книг, что десятилетия спустя принесло ему славу, а тогда могло стоить ему жизни.

В 1943 году, незадолго до ликвидации гетто, Суцкеверу удалось беНарочанские леса, где он продолжил

Знакомство с Германией, даже после её поражения, далось Суцкеверу нелегко.

борьбу с нацистами. Во время пребывания в гетто и у партизан Суцкевер продолжал писать. Как он позже говорил, без этого он бы не выжил.

По распоряжению советских властей Суцкевера в ходе рискованной операции вывезли на самолёте с оккупированной территории в Москву, где он, помимо прочего, принял участие в деятельности Еврейского антифашистского комитета. В феврале 1946 года он приехал в Германию, сначала в Берлин, а затем в Нюрнберг. Две недели, проведённые в этой стране, наложили отпечаток на всю его жизнь. Эта поездка и предшествовавшие ей исторические события являются темой книги «В Содоме», в которой используются оригинальные тексты Суцкевера.

Знакомство с Германией, даже после её поражения, далось Суцкеверу нелегко. Ещё во время полёта в Берлин он записал в своём дневнике: «Мы летим над Германией. Сёла – красные двухэтажные здания. Самолёт летит гут ли выступить все свидетели, припропитанное нашей кровью».

Суцкевер не испытывал тёплых чувств к Германии и немцам. После прибытия в Берлин 20 февраля 1946 года он записал в своём дневнике: «Берлин. Я вижу своими собственными глазами, что русское название "звериная берлога" очень подходит. Даже сейчас, когда город перевёрнут вверх дном, он всё ещё производит впечатление логова зверя». После прогулки по городу он написал стихотворение «Ойфн марк» («На рынке»), в котором он, помимо прочего, с сарказмом замечает: «Здесь можно купить всё. Бюст Генриха Гейне и мыло, сделанное из евреев – почти на каждом шагу [...] И снова, как грохочущий вагон, начинает пробуждаться интернационал мёртвых вещей».

Немыслимые страдания, через которые пришлось пройти Суцкеверу, породили в нём в том числе и чувство злорадства. После прибытия в Нюрнберг, он сделал в своём дневнике следующую запись: «Я заметил это ещё в Берлине, а сейчас вижу ещё более отчётливо: здания здесь не срослись, как в Москве. Каждое здание стоит особняком. Архитектура средневеково-готическая. Больше всего мне нравятся здания, превращённые в руины».

Помимо этих мыслей, Суцкевера незадолго до выступления перед трибуналом очень волновали ещё две

вещи. Во-первых, было неясно, смоочень низко над землёй. В каждом ехавшие в Нюрнберг в составе советселе - церковь из красного кирпича ской делегации, поскольку время, отничено. Лишь за два дня до назначенного срока Суцкевер узнал, что входит в число тех, кто будет выслушан трибуналом. Его выступление состоялось 27 февраля 1946 года.

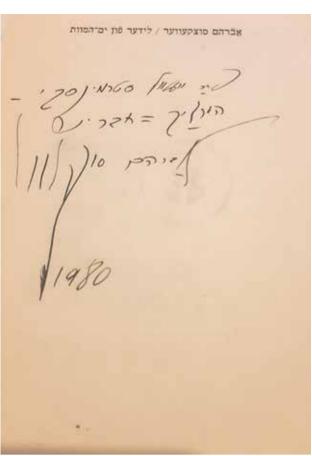
> Во-вторых, Суцкевер непременно хотел давать показания на идише. Ещё до отлёта из Москвы он записал в своём дневнике: «Я молюсь за то, чтобы с помощью моей речи загубленные души убитых могли выступить с обвинением. Я хочу говорить на идише, непременно на идише. [...] Я хочу говорить на языке народа, который обвиняемые вознамерились уничтожить вместе с его языком. Пусть услышат наш родной язык. Пусть услышат наш язык, и пусть Альфред Розенберг (главный идеолог НСДАП, который был приговорён в Нюрнберге к смертной казни и повешен - прим. ред.) лопнет от злости. Пусть мой язык торжествует в Нюрнберге как символ бессмертия».

> Однако это пожелание не было удовлетворено. Поэтому Суцкевер выступил на русском и в сдержанной (как и требовалось в суде) манере, которая ещё больше подчёркивала весь ужас излагаемых им фактов, описал уничтожение оккупантами вильнюсских евреев.

> Сказать, что его показания в суде, приведённые в книге, были шоки-

> > Продолжение на стр. 7

Von Leid und Überleben: Sutzkevers Gedichtband "Lider fun Jam ha-Mowess" (Lieder vom Meer des Todes) mit persönlicher Widmung des Autors | Fotos: Redaktion

Fortsetzung von Seite 6

Das unermessliche Leid, das der 32-Jährige durchlebt hat, lässt auch Schadenfreude aufkommen. Nach der Ankunft in Nürnberg schreibt er in seinem Tagebuch: "Ich bemerkte es schon in Berlin und jetzt noch einmal deutlicher: Die Gebäude sind hier nicht zusammengewachsen wie etwa in Moskau. Jedes Gebäude ist getrennt vom nächsten. Die Architektur — eine mittelalterlich-gotische. Am besten gefallen mir die Gebäude, die zertrümmert liegen."

Über solche Gedanken hinaus plagten den Dichter bis kurz vor dem Gerichtsauftritt aber zwei akute Sorgen. Es war unklar, ob alle Zeugen, die die sowjetische Delegation nach Nürnberg mitgebracht hatte, aussagen könnten, denn die Zeit der Richter war knapp bemessen. Erst zwei Tage vor seinem Auftritt erfuhr Sutzkever, dass er zu denjenigen gehörte, die das Tribunal anhören würde. Die Aussage fand am 27. Februar 1946 statt.

Ein weiteres Anliegen: Der Dichter wollte unbedingt auf Jiddisch aussagen. Bereits vor dem Abflug aus Moskau hatte er in seinem Tagebuch

eingetragen: "Ich bete, dass die ausgelöschten Seelen der Ermordeten durch meine Rede Klage führen. Ich will Jiddisch reden. Unbedingt Jiddisch. [...] Ich will in der Sprache des Volkes sprechen, welches sich die Angeklagten anmaßten auszurotten, zusammen mit seiner Sprache. Man soll unsere Muttersprache hören. Man soll unsere Sprache hören und Alfred Rosenberg [der Chefideologe der NSDAP, der in Nürnberg letztendlich zum Tode verurteilt und hingerichtet wurde -Anm. d. Redaktion] soll vor Wut platzen. Möge meine Sprache in Nürnberg triumphieren als ein Symbol von Unvergänglichkeit."

Diesem Wunsch wurde dann aber doch nicht entsprochen. Sutzkever sagte deshalb auf Russisch aus und beschrieb, mit vor Gericht gebotener und gerade deshalb unerträglicher Sachlichkeit, die Vernichtung der Wilnaer Juden durch die Besatzer.

Mit dem Wort "erschütternd" ist seine Aussage, in dem Buch dokumentiert, bei Weitem nicht ausreichend beschrieben – auch, aber nicht nur wegen der Todesstatistik: Laut Sutzkevers Aussage waren von den rund 80.000 Juden, die in Wilna zu Beginn

der deutschen Besatzung gelebt hatten, bei der Befreiung der Stadt im Sommer 1944 nur noch etwa 600 am Leben.

Es ist auch die offenkundige Freude, die der Genozid den Naziverbrechern bereitete, die bis heute Grauen auslöst. Über den Tod seines Sohnes berichtete Sutzkever vor Gericht wie folgt: "Ende Dezember gebar meine Frau im Ghetto ein Kind, einen Jungen. Ich war damals nicht im Ghetto, ich war geflohen vor einem Massaker, oder, wie sie es nannten, einer Aktion, und als ich später ins Ghetto zurückkam, erfuhr ich, dass meine Frau zwei Tage vorher im Ghettokrankenhaus ein Kind geboren hatte. Ich bin sofort zum Krankenhaus gegangen, aber ich sah, dass dieses Krankenhaus von Deutschen umzingelt war und ein schwarzer Wagen davorstand. [...] Als die Deutschen am Abend fortgingen, ging ich ins Krankenhaus und sah meine verweinte Frau. Es stellte sich heraus, dass, als sie das Kind gebar, die jüdischen Ärzte bereits die Anordnung erhalten hatten, dass man nicht mehr gebären darf. Sie haben das Kind zusammen mit anderen in einem Zimmer versteckt. Aber als die

Kommission kam, mit Murer [NS-Kommandeur des Wilnaer Ghettos - Anm. d. Redaktion], hörten sie die Kinder vermutlich weinen. Sie haben die Tür aufgebrochen und sind in das Zimmer hineingegangen. Als meine Frau hörte, dass man die Tür aufgebrochen hatte, ist sie sofort aufgesprungen, um zu sehen, was mit dem Kind geschah. Dann sah sie, wie ein Deutscher das Kind hielt und ihm etwas in die Nase steckte, das Kind danach auf das Bett warf und lachte. Als meine Frau das Kind nahm, hatte es bereits schwarze Lippen und als ich ins Krankenhaus kam, sah ich selbst mein totes Kind. Es war noch etwas warm." Kann man sich da wundern, dass der Anblick eines deutschen Kindes in Sutzkever die Erinnerung an die unzähligen ermordeten jüdischen Kinder weckte, wie er in seinem Tagebuch notierte?

In seiner Aussage führte Sutzkever auch dies aus: "In den letzten Tagen des Dezembers 1941 machte Murer dem Ghetto ein Geschenk. Ein Pferdefuhrwerk voll mit Schuhen der toten, in Ponar erschossenen Juden wurde ins Ghetto gefahren. Diese alten Schuhe aus Ponar schickte er dem Ghetto als Geschenk. Und zwischen diesen Schuhen erkannte ich die Pantoffeln meiner Mutter."

In dem Buch wird zudem aus dem von Sutzkever 1945 auf Jiddisch veröffentlichten Bericht "Fun Wilner Geto" zitiert, in dem er auch den perversen Sadismus der Besatzer schilderte. So etwa als der ehemalige Vorsitzende der jüdischen Gemeinde, der damals schon 85-jährige und schwer kranke Dr. Jakub (Jankew) Wygodzki, beim Ghettokommandeur Murer um Erbarmen für die Juden bat. Murer "schleuderte Wygodzki alle Stufen der Treppe hinunter", berichtet Sutzkever. Vorher aber hatte sich der Nazi ganz vornehm einen weißen Handschuh angezogen.

Sutzkevers Aussage dauerte 38 Minuten. An sich, könnte man meinen, nicht viel, und doch waren es schicksalhafte Minuten, in denen der Dichter seinen persönlichen Beitrag zur Anklage gegen die NS-Verbrecher leistete.

Unmittelbar danach versuchte er, seine Emotionen zu beschreiben, und allem Grauen zum Trotz strahlt das in sein Tagebuch eingetragene Fazit historischen Optimismus aus: "Es fällt mir schwer, meine Gefühle abzuwägen. Welches von ihnen ist stärker, das Gefühl der Trauer oder das Gefühl der Rache? Stärker als diese beiden, scheint mir, ist das aufstrahlende, mächtige Gefühl, dass unser Volk

lebt, seine Henker überlebt hat — und keine noch so dunkle Macht imstande ist, es zu vernichten. Darin liegt etwas Jüdisch-schicksalhaftes: ein jiddischer Dichter — vielleicht der einzige Übriggebliebene aus den europäischen Ghettos — kommt nach Nürnberg, um die Rosenbergs und Franks zu richten. Und dadurch ebenfalls ihre noch übriggebliebenen "Gesinnungsgenossen" in diversen Ländern!"

Wenige Monate nach seiner Rückkehr nach Moskau, im Sommer 1946, durfte Sutzkever als ehemaliger pol-

"Als ich ins

Krankenhaus kam, sah ich selbst mein totes Kind. Es war noch etwas warm."

Sutzkever vor dem dem Internationalen Militärtribunal

nischer Staatsbürger die Sowjetunion verlassen und wanderte nach Israel aus. Dort setzte er sein literarisches Wirken fort und förderte in der von ihm jahrzehntelang herausgegebenen Zeitschrift "Die Goldene Kejt" (Kette) auch das Schaffen anderer jiddischer Literaten. Die Schoa spielte in seinen Werken, versteht sich, eine herausragende Rolle, doch war sie nicht sein einziges Thema. In seinen Gedichten ebenso wie in seiner experimentellen Prosa erwies sich Sutzkever als Erneuerer einer Sprache, deren Schicksal nach dem Inferno der Schoa besiegelt zu sein schien. Wenn man will, war auch das ein Akt des Widerstands.

Sutzkever verstarb 2010 in Israel. Er wurde 96 Jahre alt.

"In Sodom: Avrom Sutzkever in Deutschland": herausgegeben, eingeleitet, kommentiert und gestaltet von Arndt Beck, Hentrich & Hentrich Verlag Berlin/Leipzig, ISBN 978-3-95565-400-9. Das Buch wurde von der Berliner Szloma-Albam-Stiftung gefördert.

Начало на стр. 6

рующими, значит ничего не сказать, и не только из-за масштаба убийств: Суцкевер рассказал, что из порядка 80000 евреев, проживавших в Вильнюсе в начале немецкой оккупации, на момент освобождения города летом 1944 года в живых оставалось лишь около 600 человек.

По сей день ужасает то, с каким явным удовольствием нацистские преступники совершали геноцид. О смерти своего сына Суцкевер рассказал суду следующее: «В конце декабря моя жена родила в гетто ребёнка, мальчика. Меня тогда в гетто не было, поскольку я скрывался, спасаясь от резни, или, как они это называли, акции. Когда я позже вернулся в гетто, то узнал, что за два дня до этого моя жена родила в больнице гетто ребёнка. Я немедленно отправился в больницу, но увидел, что она окружена немцами и перед ней стоит чёрная машина. [...] Когда немцы вечером ушли, я зашёл в больницу и увидел заплаканную жену. Выяснилось, что на тот момент, когда она родила, еврейские врачи уже получили распоряжение, что рожать больше нельзя. Они спрятали моего ребёнка вмести с другими детьми в одной из комнат. Но когда пришла комиссия в сопровождении Мурера (комендант Вильнюсского гетто - прим. ред.), они, вероятно, услышали детский плач. Они взломали дверь и зашли в комнату. Когда моя жена это услышала, она тут же вскочила, чтобы посмотреть, что происходит с ребёнком. Она увидела, как один из немцев схватил ребёнка, засунул ему чтото в нос и после этого, смеясь, бросил его на кровать. Когда моя жена взяла ребёнка на руки, у него уже почернели губы, и когда я пришёл в больницу, то увидел своего мёртвого ребёнка. Он был ещё немного тёплым». Неудивительно, что при виде немецких детей Суцкевер вспоминал о бесчисленных убитых еврейских детях, о чём он написал в своём дневнике.

Выступая перед трибуналом, Суцкевер также рассказал: «В последние дни декабря 1941 года Мурер сделал гетто подарок. В гетто въехала запряжённая лошадьми повозка, гружённая обувью убитых, расстрелянных в Понарах евреев. Эту старую обувь из Понар он отправил в гетто в качестве подарка. И среди этой обуви я увидел шлёпанцы моей матери».

В книге также цитируется опубликованная в 1945 году на идише статья Суцкевера «Фун Вилнер гетто», в которой он, помимо прочего, описал изощрённый садизм оккупантов. Например, Суцкевер рассказывает, что, когда бывший председатель еврейской общины 85-летний и тяжело больной д-р Яков (Янкев) Выгодский попросил коменданта гетто Мурера проявить милосердие к евреям, тот «сбросил Выгодского с лестницы». Перед этим нацист элегантно надел на руку белую перчатку.

Выступление Суцкевера продолжалось 38 минут. Может показаться, что это немного, однако это были судьбоносные минуты, в которые поэт внёс свой личный вклад в обвинение против нацистских преступников.

Сразу после этого он попытался описать свои чувства, и, вопреки всем ужасам, его записанный в дневнике вывод излучает исторический оптимизм: «Мне трудно оценить свои чувства. Какое из них сильнее: чувство скорби или чувство мести? Мне кажется, что сильнее их обоих разгорающееся, мощное чувство, что наш народ жив, пережил своих палачей и что никакая, даже самая тёмная сила не в состоянии его уничтожить. В этом есть что-то характерное для судеб еврейского народа: идишский поэт, возможно, единственный идишский поэт, переживший европейские гетто, приезжает в Нюрнберг, чтобы вершить суд над розенбергами и франками, а вместе с ними и над их ещё оставшимися "единомышленниками" в разных странах».

Летом 1946 года, через несколько месяцев после своего возвращения в Москву, Суцкевер как бывший польский гражданин получил разрешение покинуть Советский Союз и эмигрировал в Израиль. Там он продолжил свою литературную деятельность. В журнале «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»), главным редактором которого он был на протяжении многих десятилетий, Суцкевер поддерживал творчество других идишских литераторов. Разумеется, Холокост играл в его произведениях чрезвычайно важную роль, однако это была не единственная тема, о которой он писал. В своих стихотворениях и экспериментальной прозе Суцкевер проявил себя как реформатор языка, судьба которого после Холокоста казалась предрешённой. Можно сказать, что это тоже был акт сопротивления.

Суцкевер скончался в 2010 году в Израиле. Ему было 96 лет. "In Sodom: Avrom Sutzkever in Deutschland": herrusgegeben, eingeleitet kommentiert und

"In Sodom: Avrom Sutzkever in Deutschland": herausgegeben, eingeleitet, kommentiert und gestaltet von Arndt Beck, Hentrich & Hentrich Verlag Berlin/Leipzig, ISBN 978-3-95565-400-9. Книга издана при поддержке берлинского Фонда Шломы Альбама. ws

"Was ich immer schon wissen wollte ..." Glossar mit Begriffen des Judentums – von Rabbiner Dr. Joel Berger

> "Это я давно хотел знать ..." Словарь иудаизма раввина д-ра Йоэля Бергера

PROSBUL (aus dem Griechischen): etwas hinbringen.

Ein von Hillel dem Alten gegen das Ende der Ära des Zweiten Tempels eingeführter, beim Gericht zu deponierender (also "hinzubringender") formeller Verwahrungsschein, der eine Aussetzung des biblischen Schuldenerlasses im Schmitta-Brachjahr ermöglichte. Die Verwendung des Prosbuls erwies sich als notwendig, als die Aufnahme von Schulden nicht mehr die Ausnahme war, sondern in Form der Kreditaufnahme durchaus üblich wurde. Die Tora schreibt jedes siebte Jahr ein Sabbatjahr vor, an dessen Ende unter anderem alle Schulden erlassen werden. So konnte es passieren, dass die Reichen sich weigerten, in den letzten Jahren des Siebenjahreszyklus Geld zu verleihen – obwohl die Tora die Verweigerung der Darlehensgewährung aus Angst vor dem Schmitta-Schuldenerlass untersagt.

Nun bot der Prosbul eine Handhabe, die schuldenerlassende Funktion des Brachjahres auf juristischem Wege auszuschalten (Talmud Gittin 36a). Damit wurden die Darlehensbedürftigen letztendlich davor geschützt, wegen mangelnder Möglichkeit der Kreditaufnahme in tiefe Not zu geraten.

ПРОСБУЛ (древнегреч.)

«Приносить». Передававшийся (т. е. приносившийся) на хранение в суд формальный документ, который ввёл Гиллель ха-Закен в конце эпохи Второго храма. Просбул позволял обходить заповедь отмены долгов в Субботний год. Использование просбула стало необходимым, когда взятие денег в долг перестало быть исключением и стало распространённым явлением в форме получения кредита. Тора предписывает, что каждый седьмой год является Субботним и что в конце этого года, помимо прочего, прощаются все долги. Это могло привести к тому, что в последние годы семилетнего цикла богатые отказывались давать деньги взаймы, несмотря на то что уклонение от одалживания денег нуждающимся из опасения, что в Субботний год долг придётся простить, запрещено Торой. Просбул служил юридическим инструментом, позволявшим обходить заповедь прощения долгов в Субботний год (Талмуд, трактат Гиттин 36а). В конечном итоге это защищало нуждающихся в кредитах от попадания в крайнюю нужду из-за невозможности взять деньги в долг.

Zu viel "Ich" – zu wenig "Wir"

Das letzte Buch des Rabbiners und Philosophen Jonathan Sacks greift das Verhältnis zwischen Gesellschaft und Moral auf Von Heinz-Peter Katlewski

Liebe unter den Wissenschaften gewesen, gestand Jonathan Sacks im Vorwort zu seinem Buch "Morality". Es sollte sein letztes Werk sein, erschienen 2020. Sacks starb im selben Jahr am 7. November.

Bekannt wurde Sacks vor allem als oberster religiöser Vertreter des britischen Judentums. Offiziell lautete sein Amtstitel "Oberrabbiner der Hebräischen Gemeinden des Commonwealth". Dieses Amt bekleidete er von 1991 bis 2013. Vor seiner Karriere als Rabbiner hatte der promovierte Philosoph allerdings in der Tat Moralphilosophie an der Middlesex University und später am Jews College gelehrt, dessen Rektor er 1984 wurde. Auch in seiner Amtszeit als Oberrabbiner blieb Moralphilosophie für ihn ein zentrales Thema.

"Morality" handelt vom Verhältnis des "Ich" zum "Wir", also von der Beziehung des Individuums zur Gesellschaft. Nicht zuletzt betrachtet Sacks den menschlichen Willen, einen Beitrag zum Wohl der Anderen zu leisten – etwa in Form altruistischen Engagements oder auch nur als Bereitschaft zuzuhören. Das Thema ist, versteht sich, nicht neu, doch nimmt Sacks es vor dem Hintergrund der heutigen Zeit unter die Lupe.

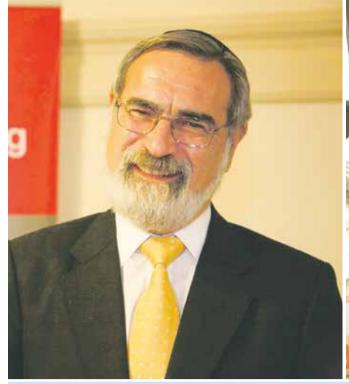
Seine zentrale These lautet, dass das "Ich" im Westen so dominant und das Bewusstsein für das Gemeinsame so dürftig geworden sei, dass dadurch nicht nur der Zusammenhalt der Gesellschaft, sondern auch die Funktionsfähigkeit der Demokratie in Gefahr gerate. Im Unterschied zu Nordamerika,

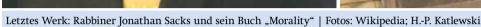
oralphilosophie sei seine erste betont Sacks, seien weder Großbritannien noch Europa Einwanderungsländer gewesen. Sie seien es aber geworden und müssten allein schon deshalb eine gemeinsame Basis entwickeln, ohne dabei die bestehenden kulturellen und religiösen Unterschiede zu verwischen.

> Seine Argumente stützt Rabbiner Sacks auf Erkenntnisse von Historikern, Philosophen, Soziologen, Psychologen und Ökonomen. Er betrachtet Analogien im Tanach und bezieht mit Talmud und Midrasch auch die jüdische Tradition mit ein, beruft sich aber auch auf Vertreter anderer Religionen und deren

> "Können wir noch vernünftig miteinander reden?", fragt Rabbiner Sacks und behandelt in seinem Buch universelle Probleme des Miteinanders, zum Beispiel "Fake News", verfälschte Nachrichten. Für sie gibt er ein Beispiel: Im englischsprachigen Internet wurde die Behauptung in Umlauf gebracht, die britische Regierung habe den Holocaust aus dem Lehrplan gestrichen, weil sich die muslimische Gemeinschaft durch dieses Thema beleidigt fühlen könnte. Eine Falschmeldung, denn in Wirklichkeit war das Thema lediglich in einer einzigen Schule aus dem Stundenplan gestrichen worden, und dies, wie Sacks betont, aus ganz anderen Gründen. Gleichwohl habe sich die Nachricht rasend schnell verbreitet. Und Sacks bezweifelt, dass seine Klarstellungen in den USA zum Zielpublikum durchgedrungen seien.

> Die Menschen seien immer weniger willens, vorgefasste Meinungen im Lich-

te neuer Fakten zu überprüfen, stellt der Moralphilosoph in seinem Werk fest. Andere Meinungen zu ertragen und über sie zivilisiert zu debattieren, scheine unmöglich zu sein. Dabei habe er selbst gerade auch von Menschen lernen können, die seinen eigenen, vermeintlich sicheren Standpunkt herausgefordert hätten. Dass Hinterfragen erlaubt sei, zeige sich in der biblischen Tradition auch daran, dass Abraham, Moses, Jeremiah und Hiob sogar mit Gott um die Wahrheit gestritten hätten.

Ein in der digitalen Welt moralisch besonders relevantes Thema, das Sacks aufgreift, ist das öffentliche Mobbing. Für jeden verunglückten Witz und jede falsche Wortwahl würden selbsternannte Aktivisten in den Medien Pranger aufrichten. Für manche der von ihnen ins Visier genommenen Menschen bedeute dies das Ende ihrer Karriere. Die Mobber selbst müssten sich dagegen dafür nicht verantworten. In den sozialen Medien, wo Menschen weitgehend anonym und ohne direkten Kontakt zu ihrem Gegenüber agierten, seien die zwischenmenschlichen Benimmregeln für viele außer Kraft. Überdies bestehe die Tendenz, sich nur noch im eigenen Meinungsmilieu zu bewegen und dort, frei von Hemmungen, Feindbilder aufzubauen und zu pflegen.

Den Ursprung dieses kulturellen Wandels zur Egozentrik verortet Sacks in der existentialistischen Bewegung der 1930er- bis 1960er-Jahre, die den Anspruch einer objektiv moralischen Ordnung prinzipiell infrage stellte. Voll zur Entfaltung gekommen sei diese Tendenz mit der liberalen Revolution der Sechzigerjahre, die das Recht des Staates in Zweifel gezogen habe, für jedermann gültige moralische Maßstäbe festzulegen. Stattdessen sei die Autonomie des Einzelnen propagiert worden.

In den Jahren nach 1980 habe dann eine ökonomische Revolution stattgefunden, deren Credo gelautet habe, der Staat habe sich möglichst wenig in ökonomische Prozesse einzumischen. Eine Folge dieser Politik sei soziale Segregation. Seit den Neunzigern des 20. Jahrhunderts habe sodann eine individualisierende technologische Revolution um sich gegriffen, die mit Internet, Tablets und Smartphones der Aufspaltung der Gesellschaft verstärkt Vorschub geleistet habe. Das moralische Vokabular drehe sich nur um das eigene Selbst, um Autonomie, Authentizität, Selbstverwirklichung, Selbstdarstellung, Selbstwert und Selfies. Alles, was diesen Blick störe, so Sacks, werde ausgeblendet.

Für ihre Entwicklung benötige die Gesellschaft zwar auch Konkurrenz, doch Kooperation, gibt Sacks zu bedenken, sei für den Erfolg ebenso wichtig. Im 19. Jahrhundert seien es religiöse Bewegungen gewesen, die die sozialen Kräfte in der Gesellschaft wiederbelebt hätten. In der seitdem säkularer gewordenen Gesellschaft hätten sie zwar nicht mehr die gleiche prägende Relevanz, könnten aber immer noch einen Beitrag leisten. Gesellschaften seien stark, wenn sie sich auch um die Schwachen und Verletzlichen kümmerten, so Sacks. Heute brauche die Gesellschaft die Bereitschaft zu allgemein anerkannten Spielregeln, also einen neuen Bund, der das Gemeinsame, das "Wir", im Verhältnis zum "Ich" in die Mitte stelle.

Jonathan Sacks: "Morality. Restoring the Common Good in Divided Times", Verlag Hodder & Stoughton, London 2020, 367 Seiten, ISBN 978-1473617315

Слишком много «Я» и слишком мало «МЫ»

Последняя книга раввина и философа Джонатана Сакса посвящена отношениям между обществом и моралью

предисловии к своей книге «Morality» («Мораль») Джонатан Сакс написал, что философия морали была его первой любовью среди наук. Эта книга стала его последним трудом. Она вышла в 2020 году. Сакс скончался 7 ноября того

Джонатан Сакс приобрёл известность прежде всего как главный религиозный представитель британдолжность называлась «главный раввин еврейских общин Содружества». Этот пост он занимал с 1991 по 2013 год. До того как стать раввином, доктор философских наук Сакс действительно преподавал философию морали в Мидлсекском университете, а затем в Еврейском колледже, ректором которого он стал в 1984 году. В период пребывания на посту главного раввина философия морали оставалась для него одной из централь-

«Morality» посвящена отношениям «Я» и «ИЫ», то есть отношениям индивида и общества. Помимо прочего, Сакс анализирует желание человека вносить вклад в благо других людей, например, в форме альтруистических поступков или просто готовности выслушать. Разумеется, эта тема не нова, однако Сакс рассматривает её в контексте нашего времени.

Его главный тезис гласит, что на Западе «Я» стало столь доминантным, а чувство общности столь ослабло, что это угрожает не только сплочённости общества, но и существованию демократии. Сакс подчёркивает, что, в отличие от Северной Америки, ни Великобритания, ни Европа не были странами иммиграции. Однако они стали ими и уже только поэтому должны разработать общий фундамент, не стирая при этом имеющихся культурных и религиозных различий.

Свою аргументацию раввин Сакс строит на выводах историков, фило-

Сакс пишет, что в XIX веке именно религиозные движения способствовали возрождению социальных сил общества.

софов, социологов, психологов и экономистов. Он анализирует аналогии в Танахе и обращается к еврейской традиции, заключённой в Талмуде и мидрашах. Однако он также ссылается на представителей других религий и традиций.

«Сохраняем ли мы ещё способность к здравому диалогу», - спрашивает в своей книге раввин Сакс и рассматривает универсальные проблемы сосуществования, такие, например, как фейковые (сфальсифицированные) новости. В этой связи он приводит следующий пример: в англоязычном Интернете появилось сообщение, что британское правительство вычеркнуло тему Холокоста из учебной программы, потому что мусульманское сообщество могло бы почувствовать себя оскорблённым. Это сообщение было ложным, поскольку в действительности эта тема была вычеркнута из программы лишь в одной единственной школе, и то, как подчёркивает Сакс, совершенно по другим причинам.

Тем не менее эта новость распространилась с молниеносной скоростью. Сакс сомневается в том, что его разъяснения были услышаны целевой аудиторией в США.

Сакс пишет, что люди проявляют всё меньшую готовность пересматривать заранее сформированные мнения в свете новых фактов, а способность допускать другие мнения и цивилизованно обсуждать их кажется утраченной. При этом он сам много му научился даже у тех, кто оспаривал его собственную, казавшуюся ему правильной точку зрения. По мнению Сакса, то, что сомнения допустимы, выражается в библейской традиции в том числе и в том, что Авраам, Моисей, Иеремия и Иов спорили об истине даже с самим богом.

В своей книге Сакс затрагивает также такую тему, как публичная травля, имеющую особую актуальность в современном цифровом мире. Он пишет, что за каждую неудачную шутку и каждое неудачно выбранное слово самозваные активисты ставят людей к позорному столбу в СМИ. Для некоторых из их жертв это означает конец их карьеры. При этом сами организаторы травли не несут за это никакой ответственности. В социальных СМИ, где люди в значительной степени действуют анонимно, не вступая в непосредственный контакт со своими оппонентами, многие больше не считают нужным придерживаться общепринятых норм поведения. Кроме того, существует тенденция общаться только с теми, кто разделяет твоё мнение, и в этом пространстве беспрепятственно формировать и лелеять образы врага.

Причину этого культурного сдвига в сторону эгоцентризма Сакс видит в экзистенциалистском движении 1930 - 1960 годов, которое в принципе подвергало сомнению существование объективных моральных норм. Своего апогея эта тенденция достигла во время либеральной революции 60-х годов, которая поставила под сомнение право государства устанавливать общеобязательные правила морали. Вместо этого провозглашалась автономия индивида.

Сакс пишет, что начиная с 1980 года имела место экономическая революция, кредо которой заключалось в но меньше вмешиваться в экономические процессы. Одним из последствий этой политики стало социальное расслоение. Начиная с 90-х годов XX века мы наблюдаем технологическую революцию, принёсшую с собой Интернет, планшеты и смартфоны, которая способствовала усилению индивидуалистских тенденций и ещё большему расслоению общества. На первый план в моральном дискурсе вышли такие понятия, как собственное «Я», автономия, аутентичность, самореализация, самопрезентация,

самооценка, селфи. Всё, что противо-

Хайнц-Петер Катлевски

речит такому подходу, игнорируется. Сакс утверждает, что, хотя общество

для своего развития нуждается в конкуренции, сотрудничество столь же важно для достижения успеха. Он пишет, что в XIX веке именно религиозные движения способствовали возрождению социальных сил общества. В обществе, которое стало более светским, эти движения уже не играют такой существенной роли, од нако они всё ещё могут внести вклад в общественное развитие. Общества сильны, если они заботятся также о слабых и уязвимых. Сегодня общество нуждается в готовности сформулировать общепринятые правила игры, в новом союзе, центральным элементом которого будут отношения между «МЫ», то есть тем общим, что нас объединяет, и «Я».

Jonathan Sacks, Morality. Restoring the Common Good in Divided Times, Hodder & Stoughton: London 2020, ISBN 978-1473617315, 367 стр.

Herausgeber:

Zentralrat der Juden in Deutschland, Körperschaft des öffentlichen Rechts

V. i. S. d. P.: Daniel Botmann

Redaktion:

Wladimir Struminski Marina Rabkina

Postanschrift:

Postfach 04 02 07

10061 Berlin

Telefon/Fax: 030 284456-0/-13

E-Mail: zukunft@zentralratderjuden.de **Gestaltung und Layout:**

Mariette Junk, Kaya Deniz -

WARENFORM

Druck: Union Druckerei Berlin GmbH

ISSN: 1618-6087

Die "Zukunft" erscheint monatlich als kostenloses Informationsblatt in einer Auflage von 25.000 Exemplaren. Für unaufgefordert eingesandte Manuskripte und Fotos übernimmt die Redaktion keine Haftung, außerdem gibt es keine Veröffentlichungsgarantie. Бесплатный информационный бюллетень «Zukunft» издается ежемесячно тиражем 25 000 экземпляров. За незаказанные тексты и фотографии редакция ответственности не несет, публикация незаказанных текстов не гарантируется.

Titelleiste: U. Glaser

Das Informationsblatt "Zukunft" wird aus Bundesmitteln gefördert.

Издание информационного бюллетеня «Zukunft» осуществляется из средств федерального бюджета.

